

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИМЕНИ МИТРОПОЛИТА
МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)

КАФЕДРА КУЛЬТУРОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЯЗЫКА И МЫСЛИ В
ИССЛЕДОВАНИЯХ ТОТАЛИТАРИЗМА ХАННЫ АРЕНДТ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 51.04.01 Культурология
очной формы обучения, группы 87001615
Кучеровой Анны Олеговны

Научный руководитель:
доктор философских наук,
доцент, профессор
Бросова Н.З.

Рецензент:
кандидат философских наук,
доцент, профессор кафедры
философии и истории науки
Белгородский
государственный институт
искусств и культуры (БГИИК)
Туркина В. Г.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. СТЕРЕОТИПЫ ЯЗЫКА И МЫСЛИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ Х. АРЕНДТ.....	11
§ 1. Проблема языка и мышления в немецкоязычной философии XIX – первой половины XX века.....	11
§ 2. Тема мышления и языка в идейном наследии Х. Арндт.	20
Глава 2. ФЕНОМЕН СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ МЫСЛИ И ЯЗЫКА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ БЮРОКРАТИИ.....	33
§ 1. Ханна Арндт и традиция немецких мандаринов: общее и отличное.....	33
§ 2. М. Хайдеггер и немецкие предрассудки академической бюрократии.....	44
Глава 3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЯЗЫКА И МЫСЛИ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ.....	55
§ 1. Специфическая логика тоталитаризма как основа стереотипизации мышления и языка.....	55
§ 2. Х. Арндт об А. Эйхмане: банальность мысли и языка	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	78
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	84

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность: Тема языка и его богатой феноменологии находится в центре мировой философской, культурологической, научной мысли уже многие десятилетия. Середина XX века даже характеризуется «лингвистическим поворотом», то есть новыми, в том числе, культурно-политическими, политико-правовыми, социально-психологическими акцентами в этом дискурсе, что связано с осмыслением общественно-исторического опыта XX века, оформлением новой социокультурной реальности.

В этом процессе активно участвует российская гуманитарная мысль, обращаясь к исследованиям языка как способа социальной коммуникации и его возможностей в различных социокультурных обстоятельствах. В XXI столетии рядом отечественных философов российское общество начало рассматриваться под углом зрения «синдрома публичной немоты»¹, т.е. неспособности общества в публичных дискуссиях разрешать насущные для них проблемы. Отмечалось, что в стране по сути нет языка как ресурса, способного артикулировать, тем более, разрешать сложные или конфликтные ситуации, складывающиеся на общесоциальном, а не только на межличностном уровне. «Приобретение коммуникативной компетенции, освоение «манер» и правил публичного поведения – все это скорее культурные, чем политические процессы, а культура меняется медленно».² Язык неотделим от мышления, а последнее способно давать свои плоды, только когда процесс говорения и осмысления осуществляется в рамках конкретного культурного социума. Такой алгоритм для российского общества пока не возможен из-за многолетнего властвование тоталитарного дискурса, ограниченного официальным и частным языком.

¹«Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / Отв. Ред. Н.Б. Вахтин, Б.М. Фирсов. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 424 с.

²Там же, С. 15.

Чтобы найти действенное лекарство от этого социокультурного заболевания необходимо разобраться с причиной – тоталитарной культурой, основанной на мыслительных и языковых стереотипах. Концепция тоталитаризма уже создана, и мы знаем его характерные особенности и его механизмы. Но малоизученным остается функционирование внутри таких режимов языковых и мыслительных стереотипов. Их создание и внедрение. Для их рассмотрения представляется более продуктивным обратиться к первому философу, концептуально уловившему суть такого социокультурного явления как тоталитаризм, ученице М. Хайдеггера и К. Ясперса Х. Арндт (1906-1975 гг.). В русскоязычной гуманитарной (и социальной) науке можно увидеть сейчас всплеск интереса к ее творчеству. Тем не менее в научном дискурсе ее преимущественно рассматривают как политического теоретика и социального философа. Несмотря на то, что спектр ее научных исследований настолько же многообразен, как и XX век с его специфическими проблемами. Осталось незамеченной исследователями проблема тоталитарных стереотипов (механизмы создания и внедрения мыслительных «заготовок»), которую она ставит в ряде своих работ.

Исследовательская проблема заключается в выявлении характерных особенностей арндтовской концепции тоталитарных стереотипов языка и мысли.

Степень разработанности исследуемой темы. Из-за большого спектра проблем интересовавших Х. Арндт, исследованием ее творчества занимаются в зависимости от их специализации представители разных научных областей. В промышленном производстве, которое в настоящее время окружает работы Ханны Арндт некоторые из книг отличаются своим качеством и оригинальностью.³ Нас интересует тема языка и мышления мало разработанная в целом. К тому же нередко разбиваемая отдельно на проблемы или языка, или

³Collin F. L'homme est-il devenu superflu? Hannah Arendt. – Paris, Odile Jacob, 1999. – 332 p.

мышления философами, политологами и социологами. Так или иначе языковой проблемы в творчестве Х. Арендт касаются Ю. Кристева, Т. Шестаг, С. Бенхабиб, М. Тамбуку. Однако ни один из авторов не обращает внимания на проблему стереотипов языка и мысли присутствующую в ряде работ Х. Арендт.

Изучение творчества философа с позиции языка и мышления начались уже в конце XX века, в их авангарде были такие исследовательницы как Ю. Кристева и С. Бенхабиб. Они занялись исследованием нарратива у Х. Арендт.

Американская исследовательница Сейла Бенхабиб в работе «Ханна Арендт и Искупительная сила повествования»⁴ предлагает свою теорию Х. Арендт как мыслителя (теоретика)-рассказчика, с присущим ему языком и дискурсом, изменяющимся в зависимости от темы исследования самого автора. Согласно С. Бенхабиб, политическая теория Х. Арендт приобрела форму повествования благодаря сложным методологическим дилеммам с нормативными измерениями, предоставленными историографией национал-социалистического тоталитаризма. Характерный для текстов Арендт «моральный резонанс» собственного языка не заключается в явных суждениях о ценности, которые автор передает. Скорее такой резонанс должен быть одним из аспектов самого повествования. Язык должен соответствовать моральному качеству переданного объекта. Конечно, такая способность повествования превращает теоретика в рассказчика, и не каждый теоретик может найти язык истинного рассказчика. Профессия теоретика как рассказчика является объединяющей нитью политического и философского анализа Х. Арендт от «Истоков тоталитаризма» и размышлений о французской и американской революциях к ее теории публичного пространства и способности суждения. Х. Арендт представляла историю человечества как нечто оседающее в слоях языка

⁴Benhabib S. Hannah Arendt and the Redemptive Power of Narrative / S. Benhabib // Social Research. – 1990. – Vol. 57, No. 1. – P. 167-196.

и понятий. В этом процессе происходит идентификация моментов разрыва, смещения и дислокации в истории. В такие моменты язык является свидетелем более глубоких преобразований, происходящих в жизни человека. И именно эта напряженность вдохновляет метод политической теории как повествования. Х. Арндт в горизонте С. Бенхабиб представляется не только разработчик возможной концепции теоретика-повествователя, но и ее представителем.

Ханна Арндт попала в поле зрения Юлии Кристевой преимущественно с феминистической⁵ и языковедческой⁶ позиций. Ее заинтересовал концепт «активного (действенного) повествования» философа. Именно Х. Арндт реабилитировала, по ее мнению, в XX веке практику описательной речи, утраченную после исчезновения Древней Греции и католической литургии. Действие как повествование и повествование как действие олицетворяют «конкретно человеческое» в жизни. В ходе анализа Ю. Кристева пишет об оказанном на Х. Арндт влиянии со стороны, главным образом, Аристотеля (связь мышления и языка), Августина (связь акта и слова) и Хайдеггера (связь поэзии и мышления). Язык и мышление порождают повествование, как начальное измерение, за счет рассказов других, в которых живет человек. Повествование – это совместное действие. Помимо этого, оно делает возможным постоянное возрождение. Если Х. Арндт интересуется какой-либо писателем, по мнению Ю. Кристевой, то не из-за его стиля, но «наррафем»: повествовательных единиц, которые метафорически выражают рассказ очевидца об историческом опыте. Человечество и язык – арндтовские версии Бытия. Человек может быть сумасшедшим, язык же нет. Как связующий элемент общества, он не может сойти с ума, но в его силах через повествование восстановить утраченное. В общих чертах Ю. Кристева характеризует весь корпус текстов Х. Арндт как концепцию человеческой жизни,

⁵Kristeva J. *Le Genie feminin*. Hannah Arendt. – Paris, Fayard, 1999. – 408 p.

⁶Kristeva J. *Hannah Arendt: Life Is a Narrative*. – Canada, University of Toronto Press, 2000. – 100 p.

разворачивающейся через повествование, состоящие из мышления, речи и действия.

Наиболее оригинально проблема языка в творчестве Х. Арендт была поставлена филологом-компаративистом Томасом Шестагом. Как и сама Х. Арендт он работает на стыке различных дисциплин, таких как герменевтика, перевод, философия, поэзия и политическая теория. На русский язык переведена только одна его статья⁷, в которой изложены основные моменты его книги «Die unbewältigte Sprache» («Неуправляемый язык») 2006 года, посвященной теории поэзии Х. Арендт. Как таковая теория поэзии, занимает лишь треть исследования автора. Основное внимание уделяется *мышлению (философии)*, которое Х. Арендт характеризует как говорение с самим собой, как диалог и внутренний диалог; и политике (политическому действию) как жизни в обществе по средствам разговора. Он обосновывает свою теорию языка/поэзии у Х. Арендт весьма виртуозно, вспоминая ею цитированное в письме к Хайдеггеру стихотворение Шиллера «Девушка с чужбины». В нем лирическая героиня живет в двух мирах и вынуждена постоянно покидать мир людей для того, чтобы возвращаться на родину. В интерпретации Т. Шестага, представленную, сферой языка. Х. Арендт знает многие секреты, но она никогда не покидает на долго свою почву, на которой стоит – язык. Так же как и Ю. Кристева он указывает на интервью Х. Арендт, в котором на вопрос ведущего, что для нее осталось дорогого в Германии после ее крушения, Х. Арендт отвечает: «Язык».

В 2010 году появляется статья британского исследователя нарратива Марии Тамбуку озаглавленная «Любовь, нарратив, политика: встречи между Ханной Арендт и Розой Люксембург»⁸. В данном исследовании делается акцент

⁷Шестаг Т. Непреодоленный язык: теория поэзии Ханны Арендт / Т. Шестаг // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67. – С. 106-126.

⁸Tamboukou M. Love, Narratives, Politics: Encounters between Hannah Arendt and Rosa Luxemburg / M. Tamboukou // Theory, Culture & Society. – 2013. – № 30(1). – P. 35-56.

на решающей роли эпистолярных повествований в раскрытии множественности и коммуникации.

Объект исследования – идейное наследие Х. Арендт.

Предмет исследования – концепция тоталитарных стереотипов языка и мысли Х. Арендт.

Цель исследования – раскрыть особенности трактовки Х. Арендт зарождения и функционирования стереотипов мышления и языка в тоталитарном обществе Германии.

Задачи исследования:

- изучить немецкоязычную традицию исследований языка и мышления как основного творческого контекста идей Х. Арендт;

- определить место темы языка и мышления в теоретическом наследии Х. Арендт;

- выявить специфику стереотипности языка и мышления в немецкой академической бюрократии начала XX века применительно к фигуре Х. Арендт;

- выявить специфику стереотипности языка и мышления в немецкой академической бюрократии начала XX века применительно к М. Хайдеггеру как учителю и оппоненту Х. Арендт;

- исследовать особенности языковых и мыслительных стереотипов тоталитаризма в трактовке Х. Арендт;

- проанализировать идейное наследие Адольфа Эйхмана в качестве примера арендтовской теории языковых и мыслительных стереотипов тоталитаризма.

Теоретико-методологической основой исследования темы тоталитарных стереотипов языка и мысли выступили философские и общенаучные методы исследования, опирающиеся на принципы формальной логики, диалектики, сравнительного анализа. Также был использован историко-культурный подход,

учитывая, что все работы Х. Арндт, в особенности «Истоки тоталитаризма» и «Эйхман в Иерусалиме», созданы в ответ на вызов эпохи тоталитарных режимов. В этом плане полезен также биографический метод, так как многие трагедии своего времени непосредственно были пережиты самим философом. Выбранная нами тема сложно вплетена и неразрывно связана со всем корпусом текстов Х. Арндт, в связи с этим для лучшего исследования материала необходим системный метод. Метод философской герменевтики помог нам лучше разобраться в текстах Х. Арндт, в которых первейшее место занимает язык. В своих исследованиях философ уделяет исключительное внимание этимологии слов и правильной трактовке их смыслов, что не осталось без внимания в нашем исследовании. Лингвокультурологический метод необходим, т.к. рассмотрение тоталитарного языка невозможно в отрыве от истории и культуры определенного народа, в нашем случае Германии времен Третьего рейха.

Основные положения магистерской работы прошли **апробацию** в публикациях и выступлениях на научных форумах. В том числе: доклад «Тоталитарное мышление как культурологическая проблема» на Международной молодежной научной конференции «Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории, культурологии и музеологии» (3-8.04.2017 г. Псков), доклад «Одиночество как принцип тоталитаризма: Э. Фромм и Х. Арндт» на V Международном симпозиуме молодых ученых «Культура, философия, политика в социальном опыте 21 столетия» (22.04.2017 г. Белгород), доклад «Концепт явленности Х. Арндт или сумерки над современной Россией» на Ежегодной международной конференции Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения» (Москва, 26-30.04.2018 г.). По материалам выступлений имеются публикации в соответствующих сборниках. В ходе научно-педагогической практики (29.01.2018-10.02.2018) на базе ФГОС ВО НИУ «БелГУ» была прочитана

лекция для студентов первого курса направления подготовки политология – «Тоталитарное общество и его проявления в жизни и творчестве Х. Арндт».

Структура выпускной квалификационной работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка литературы, состоящего из 107 источников.

ГЛАВА 1. СТЕРЕОТИПЫ ЯЗЫКА И МЫСЛИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ Х. АРЕНДТ

§ 1. Проблема языка и мышления в немецкоязычной философии XIX — первой половины XX века

У Х. Арендт нет отдельного труда, посвященного проблеме языка и мышления. Однако во многих произведениях начиная с университетских лекций и заканчивая крупными фундаментальными работами («Истоки тоталитаризма» и «Vita activa»), философ большое место уделяет мышлению и языку, которые лежат в основе любой рассматриваемой ею деятельности и с помощью которых она раскрывает проблемы современного ей мира (тоталитаризм, суждение, мораль, ответственность, кризис культуры). Она берет за основу язык, который, не будучи специализированным предметом ее исследования (например, филологическим), становится на многие годы не только проводником во все те сферы, которые ее интересуют и волнуют, но и их базисом.

Х. Арендт относилась к великой немецкоязычной культуре и, в отличие от своих известных еврейских соотечественников Ф. Кафки, В. Беньямина, не считала, что этот язык дан ей в заем и на самом деле ей не принадлежит [2, с. 100]. Х. Арендт опиралась на столетнюю теорию и философию языка, и, хотя в своем творчестве нечасто упоминала имена ее представителей, многое свидетельствует о ее внимании к их взглядам, творческим заимствованиям не только в тематике языка и мышления, но и в вопросах политики, свободы, морали.

Безусловно одаренный каталогизатор может вычленить у античных, средневековых авторов и философов раннего Нового времени их воззрения относительно языка, будь то Платон, Аристотель или Гегель. Однако истинная и более менее концептуально оформленная философия языка появляется в

рамках немецкой культуры XIX века. Вообще мысль и язык стали проблемой философии языка и языкознания преимущественно в XIX-XX веках, когда «...привязка слова к вещи стала делом мысли» [18, с. 153].

Плеяду влиятельнейших людей немецкой культуры открывает Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон Гумбольдт (1767-1835). Именно он дал определение языка, от которого одновременно зависит и пытается отречься вся современная лингвистика – «...язык есть орган образующий мысль» [24, с. 154]. У Гумбольдта духовная сила, она же энергия, наполняет язык.

Долгое время интерес к Гумбольдту ограничивался его политической, культурной и педагогической деятельностью в Германии. И только в последние десятилетия был прояснен его вклад в формирование современной лингвистики, семиотики, герменевтики и философии языка. В XX веке пристальное внимание к Гумбольдту было обращено Э. Кассирером, М. Хайдеггером, Х. Г. Гадамером, и Ю. Хабермасом.

В своей типологии языков В. Гумбольдт предположил, что язык должен отливать содержание феноменального мира в концептуальную форму. Таким образом, язык становится связующим звеном между эмпирическими фактами и идеями. «Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [24, с. 304]. Различия между языками для него проявлялись не в звуках и знаках, но отличном представлении мира. Его интересовало разнообразие человеческого языка, его структуры и ее влияние на интеллектуальное и духовное развитие человечества. Среди работ, входящих в его наследие, мы находим исследования, заметки, анализы, замечания и материалы, относящиеся к более чем двум сотням языков.

В своем эссе 1789 года «О религии» Гумбольдт разработал историческую типологию взаимосвязи между религией и государственной властью от греческих городов-государств до наших дней, предусматривающую назначение современного государства. Которое должно позволять своим гражданам в

полной мере реализовать свое «человеческое призвание». Так как свободное развитие индивидов, их самореализация, образование, «самосовершенствование» у Гумбольдта обязательно связывались с социальным и политическим измерением. Для него язык служит цивилизаторской силой ведущей индивида к самосознанию, общественному взаимодействию и, следовательно, предполагает позитивное отношение к другим. Эти идеи впоследствии будут лежать в основе книги Х. Арндт «Vita activa, или о Деятельной жизни».

Если в ранних работах он видел равноправие языка и мышления – язык есть дополнение к мысли, ей он помогает возвыситься до ясных категорий. То уже в 20-х годах XIX века он пытался изучить природу воздействия языка на мышление (1821 год). «Можно считать общепризнанным, что различные языки являются для наций *органами* их оригинального мышления» [24, с. 324]. Язык создает человека, но никак не наоборот. Он как закон регулирует его мыслительную деятельность. Считая человека говорящим животным, Гумбольдт пишет, что язык – «интеллектуальный инстинкт». Он создает форму мысли, вливая в нее явления и вещи мира. Но язык не только выражает в виде слова познанное, но и помогает открывать неизвестное.

Вся сумма познаваемого находится между всеми языками и независима от них, т.е. каждый народ подходит к отдельной проблеме своим путем. Таким образом имея общие базовые части, языки имеют уникальные элементы. Гумбольдт отрицал сознательное творение языка человеком и его постепенное образование – язык заложен изначально в человеке.

В. Гумбольдт не считал изучение структуры языка, его конструкции, конечной целью лингвистики. Поскольку язык в полном смысле происходит только в социальном контексте, его истинная природа может быть намечена, воспринята только в живом дискурсе (связной речи).

В. Гумбольдт был захвачен проблемой связи мышления, языка и реальности, которая казалось, была решена раз и навсегда рационалистами (Р. Декарт, Г. Лейбниц) и эмпириками (Дж. Локк, Э. Кондильяк). Но Гумбольдт взглянул на этот вопрос иначе, с позиций философии И. Канта и И. Фихте. Выразив свои идеи в шестнадцати рукописях «О мышлении и речи» (1795 г.)

Для современной ему академической среды, с ее позитивистским историзмом в лингвистике и строго индоевропейской ориентацией, В. Гумбольдт представлялся, мягко сказать, странным человеком. Только в свете лингвистики, антропологии и философии XX века, после имен Ф. де Соссюра, Э. Кассирера, Р. Якобсона, Б. Уорфа, Н. Хомского и Л. Витгенштейна, наступил истинный размах лингвистической философии Гумбольдта, она стала видна и ее актуальность начала восприниматься.

Лингвистический поворот, обозначившийся в 1920-х годах, а получивший свое наименование лишь в 1960-х годах, ставит во главу философского угла язык. В том числе и для разрешения с его помощью проблем, связанных с мышлением.

В эти годы вокруг Э. Гуссерля (1859-1938 гг.) начинает формироваться феноменологическая школа, объединившая философов, юристов, искусствоведов и лингвистов. Среди его учеников была и Х. Арндт. В «Логических исследованиях» (1901 г.) он формулирует основной объект философского исследования, как научное знание и познание. Отсюда вытекает и цель – построить «науку о науке», «наукоучение».

Феноменология становится наукой о явлениях, о том, что появляется в сознании. Прежде всего это методологическая система доступа к истине вещей через «осознание» (интенциональность). Однако сознание, Э. Гуссерль понимал, не как поле, которое наполняют образы, но как намеренную цель, которая придает смысл. Само сознание является источником представлений о реальности. Следует сравнивать разные способы осознания реальности,

реконструировать разнообразные смыслы реального. Потому основным методом становится феноменологическая редукция – «сведение» объектов, вещей, «реальностей» к их, так сказать, «мысленным эквивалентам», феноменам. Э. Гуссерль выделял в них (феноменах) последовательно следующие элементы: 1) языковая оболочка – речь, письмо, обозначения и т. д.; 2) конкретные психические переживания познающего, и получающие внешнюю форму выражения; 3) «предмет», полагаемый мыслью; 4) сам процесс наполнения «смыслом» и «значением» выражения и познавательного переживания.

Таким образом, реальное – это один из возможных смыслов, который наделяет сознание предмет. Сущности «даны», как замечает философ, прежде всего через языковые выражения и психические переживания. Эти первоначальные и внешние способа «данности» мыслей, идей, сущностей будут присутствовать неизменно в феноменологии.

Будучи философом с математическим прошлым, он был захвачен разработкой общей теории умпостигаемых систем, которую рассматривал как теорию науки на том основании, что каждая наука может рассматриваться как система предложений, взаимосвязанных множеством бесплодных отношений. В «Логических исследованиях», он утверждает, что лучший способ изучить природу таких пропозициональных систем – начать с их лингвистических проявлений, т.е. предложений и высказываний. Так феноменология должна, по Э. Гуссерлю, начать с языкового объяснения. Любое теоретическое исследование необходимым образом находит выражение в языковых высказываниях. Только в этой форме, говорит философ, истина и теория становятся постоянным достоянием науки, ее сокровищницей знаний и основой для дальнейших исследований.

К 1930-м годам Э. Гуссерля начали интересовать некоторые явления, которые в раннем творчестве он старался вычеркнуть из метафизики. В первую

очередь, это его понятие «жизненного мира». Его можно рассмотреть двумя различными способами: с точки зрения веры (убеждений) и, что в нашем случае более значимо, с точки зрения социума, культуры или эволюции. Наиболее простое и приближенное рассмотрение единого сообщества предметов, их общего жизненного мира возможно через систему чувств или значений, составляющих их общий язык, или «форму жизни», учитывая, что они представляют мир и себя в категориях, предоставляемых этим языком. Если же мы считаем предметы принадлежащими к разным сообществам, мы можем рассматривать их общий жизненный мир как общую структуру или «априорную структуру» чувств или значений, которая допускает их взаимный перевод на соответствующие языки.

Теория «выражений» и «значений» Э. Гуссерля, базируется на логическом и логико-лингвистическом элементе, поскольку расчленяет, классифицирует и описывает конечные формы мысли и языка. С точки зрения логики и теории языка, введенные Э. Гуссерлем соображения и расчленения, были, бесспорно, оправданными и важными. Значения, в первую очередь, анализируются исходя из языковой формы, однако они, как и сама языковая форма, становятся составляющими более объемного единства, «феномена», где они оказываются связанными с переживаниями.

Одним из немногих исследуемых Х. Арндт авторов, занимавшихся философией языка, наряду с М. Хайдеггером был Вальтер Беньямин (1892-1940 г.). Его жизнь и творчество были для нее крайне близки. Ибо В. Беньямин был не просто олицетворением «парии», но и самобытным исследователем [2, с. 11]. Их обоих тяжело аттестовать в отношении какого-либо направления в социально-гуманитарном знании. Оба относились к людям, «выпадающих из рубрик, тех, чьи труды не умещаются в установленный порядок, но и не порождают новой манеры на радость будущим классификаторам» [2, с. 23]. В.

Беньямин считал своей целью «стать законным продолжателем самых плодотворных и самых подлинных традиций Гамана и Гумбольдта» [2, с. 116].

Его судьбу Х. Арндт рассматривала в контексте всей западноевропейской культуры модерна. Будучи филологом, он занимался сакральными текстами, базирующимися на метафорах. Этот троп представлялся ему величайшим подарком языка. Именно его концепция метафоры оказала видимое влияние на арндтовскую трактовку связи мышления и языка по средствам метафоры. Последняя по мнению В. Беньямина делает возможным чувственному опыту прикоснуться к невидимому сквозь материю языка. Связь мышления и языка В. Беньямин выразил в своей работе «Происхождение немецкой барочной драмы». В ней он выводит изящность и тонкость драм XVIII века из «грубой мысли» пословиц. Он считал, что начало полагается топорной мыслью, ибо только она может дать ход процессу мышления. Сама реальность могла выражаться в первую очередь в обыденном языке поговорок и пословиц. В. Беньямин пытался показать своей работой процесс превращения грубой мысли в литературу, пронизанную духом немецкого романтизма и приближенную таким образом к реальности.

В. Беньямин использовал «теологическое бурение метафизических сущностей» для вытягивания их наружу, на языковую поверхность [2, с. 120]. Взгляды В. Беньямина на язык имеют сходство с М. Хайдеггером. Каждая мысль (истина) в литературном творчестве М. Беньямина обитает в «родовом дворце языка», выстроенном из древнейших смыслов [2, с. 145]. Цель собственных исследований он определял так: «проникать в глубины языка и мысли... бурением, а не рытьем» не разрушая исследуемый текст комментарием-объяснением [2, с. 148].

Любая проблема, он считал, сводится к языку. И прошлое можно также через него открыть, через цитирование. «Язык – бастион, за которым укрывается прошлое» [2, с. 153]. В. Беньямин предложил уникальную

интерпретацию языка в качестве атомизированных элементов, бесцельных и безадресных, а потому отражающих смысл мира. Все, что подвержено смерти, считает автор, разлагается на элементы – «обломки мысли», которые разбросаны по текстам, которые В. Беньямин собирает как жемчуга. Обломки – это мысли, а цитаты – язык.

Х. Арендт была не только под впечатлением от творчества В. Беньямина, но и от его жизни. Они оба находились в положении бесправных скитающихся евреев в годы Второй мировой войны, только судьба его оказалась куда более драматичной и закончилась самоубийством в отеле пограничного испанского города Портбоу. В который спустя пару дней прибыла и сама Х. Арендт, чтобы уплыть в США. Она одна из первых интеллектуалов, кто узнал о трагедии. Обосновавшись в Америке, философ первая подготовила адаптированную публикацию его сборника «Озарения».

Идеи атомизма языка В. Беньямин схожи с идеями Л. Витгенштейн (1889-1951 г.). Его единственной опубликованной книгой был «Логико-философский трактат» (1921 г.), отличавшийся специфической для XX века эзотеричностью и сложностью языка изложения теорий. Изначально Л. Витгенштейн грезил о жесткой структуре языка, с помощью которой можно разрешить все философские проблемы. Ему хотелось создать язык, в котором было бы открыто, что может быть выражено и была бы показана схема правильного/неправильного мышления. Для раннего Л. Витгенштейна характерно представление о языковом выражении, как основанном либо на тавтологии, либо на видимом положении вещей. Третьего не дано было. И как известно «то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует промолчать» [23, с.125]. Безусловно, поиски искренности и чистоты языка и мысли были обусловлены социальным и научным контекстом начала XX века. В Австро-венгерской монархии фальшь и неискренность были общим местом, и потому ясность становилась проблемой

для него не только логической, но и этической. В обстановке Первой мировой войны особое значение приобрели идеи ясности языка и прозрачности смысла, борьбы с фразерством. Его целью было показать, как работает язык. Рассматривая образ мира через язык, он находит в нем (мире) лишь логическую необходимость. Центральной категорией трактовки языка является предложение в качестве видимого или слышимого знака, в совокупности с отношением, связывающим его с изображаемым им фактом. Сам язык, по определению Л. Витгенштейна, это совокупность предложений. Будучи чуждым прагматизму мистиком, он считал предложения образами, а не инструментами. Язык понимал он как непосредственный «образ» реальности. И язык, и мир располагаются в едином логическом поле, потому они одинаково раскладываемы на простые элементы, и также сочетаемы из простых элементов. «Границы моего языка, означают также границы моего мира» [23, с.180].

«Логико-философским трактатом» обозначен рубеж его занятий логикой и переход к лингвистическому анализу. Основная идея его работ, посмертно изданных, – значение слова в его употреблении. Ранний Л. Витгенштейн считал, что язык основывается на опытных фактах и на отражении мира. В кембриджский период творчества он уже рассматривает язык как социальную игру, способ коммуникации, формирования общества. Поздний Л. Витгенштейн отказался от мыслей о «границах языка», о «языке» как ограниченном целом и об условиях возможности лингвистического описания.

Он ввел понятие языковых игр, для характеристики речевого действия разворачивающегося на подобии игры, у каждой из которых есть правила и ограниченность «ходов». В процессе игры мы узнаем значения слов. Также были переосмыслены его прежние взгляды, согласно которых, он мог произвести анализ языковых утверждений разложив их на ряд простых составляющих, которые уже невозможно редуцировать. Теперь он сознает, что

создание совершенного языка невозможно, путаница в нем неискоренима. Л. Витгенштейн рассматривал язык как логику мира, с помощью которого осуществляется предварительное его построение. Согласно его ходу мыслей «я есть мир», и, следовательно, отказ от слова как пробы мира равен отказу от собственного существования. В «Философских исследованиях», написанных уже после того, как он убедил себя в непригодности собственной попытки в «Трактате» понять язык, а, следовательно, и мышление как «картину реальности», ставится вопрос о причине человеческой потребности в мышлении.

Влияние Л. Витгенштейна на последующую лингвистику велико и многообразно. Его взгляды относительно мышления и языка, нашли в некоторой степени выражение и продолжение в работе Х. Арндт «Жизнь ума».

К моменту обучения Х. Арндт в крупнейших и стариннейших университетах Германии, первенство в исследованиях языка и мышления было по праву отдано немецкоязычной культуре. То, что на рубеже XVIII-XIX веков начал В. Гумбольдт продолжили в новом научном контексте учителя (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер) и современники (Л. Витгенштейн, В. Беньямин) Х. Арндт. Ко времени написания своих первых фундаментальных работ 1960-е годы, время второго этапа «лингвистического поворота», за ее плечами был обширный материал, которым она превосходно владела и могла придать ему новое прочтение, в связи с беспрецедентными событиями 1930-1940-х годов.

§ 2. Тема мышления и языка в идейном наследии Х. Арндт

Исследовательская доминанта Х. Арндт заключалась в изучении истории, отталкиваясь от почвы, на которой она сама стояла, из собственного опыта. Этой почвой можно считать и язык, именно она, «Девушка с чужбины»,

где бы не была, в какой научной сфере не работала, всегда возвращалась к языку.

Главные работы Х. Арендт были написаны уже в США. С одной стороны, это связано с жизненными перипетиями 30-40-х годов XX века, когда она просто не могла *остановиться и подумать*. С другой – с насильственной утратой свободного слова в Германии, которое она сумела вернуть, лишь обосновавшись в Нью-Йорке. Не смотря на культурный упадок Соединенных штатов, для Х. Арендт они представляли собой рай, ибо она вновь могла выражаться в словесной форме, а значит мыслить.

Ценность живого языка, подкрепленная классической немецкой литературой и философией, а также занятиями поэзией, была присуща Х. Арендт с юного возраста и только укреплялась с годами. Ее относят, как она того и хотела, к мыслителям в первую очередь политическим, однако не стоит забывать, что ее учителем был М. Хайдеггер. Влияние последнего в профессиональной деятельности ученицы, возможно, больше всего отразилось на ее заинтересованности и погруженности в языке, будь то древнегреческий, немецкий, латинский, французский или английский. Слова для Х. Арендт «нечто вроде замороженной мысли, которое мышление должно разморозить, растопить, если мы хотим выяснить ее первоначальный смысл» [8, с. 237].

Может показаться странным, почему обучаясь у М. Хайдеггера и К. Ясперса, она занялась именно социально-политическими исследованиями. Причиной могут быть политические катаклизмы, затронувшие ее лично. Она не считала себя «профессиональным философом», ибо это ограничивало природу человека, делая его независимым от окружающей действительности. Ни в какой области профессионализм не должен отречься от общественного, в категориях Ханны Арендт – «политического мышления/действия».

Самое раннее из ее сочинений датируется 1925 годом, когда ей было 19 лет, а последнее 1975 годом, когда в возрасте 69 лет она скоропостижно

скончалась. За это время она написала множество работ на различные темы, объединенные морально-политическими проблемами XX века. Во всех них присутствует «фирменная» методология Х. Арндт, основанная на языковых исследованиях. Из них лишь четыре работы раскрывают концепцию языка и мысли автора, двум из них «Истоки тоталитаризма» и «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» будет посвящена отдельная 3 глава работы. В этом параграфе мы рассмотрим две оставшиеся работы, между написанием которых есть зазор в шестнадцать лет. В это время Х. Арндт опубликовала ряд книг и статей, который мы также рассмотрим в интересующем нас аспектах.

Наиболее основательно она выразила свои взгляды насчет языка и мышления, в работах «*Vita activa*, или О деятельной жизни» и «Жизнь ума». Французский исследователь творчества Х. Арндт Ж. Таминье назвал ее «дочерью Греции», можно, в свою очередь, уточнить и сказать – «дочь Аристотеля». Так как его влияние на нее огромно, трудно ограничить Х. Арндт сферами исследований, как и Аристотеля «*doctor universalis*». У обоих авторов налицо присутствие философского диптиха. У Аристотеля «Политика» и «Поэтика», а у Арндт «*Vita activa*» и «*Vita contemplative*». Где в первых осмысленны общественная сфера человеческого существования по средствам языка, а во-вторых рассмотрено осознанное уединение в себе, сфере мысли.

Как ее жизнь, так и творчество представляют путь к преодолению антогонизма политики, как общественного существования посредством языка, и мышления, осознанного уединения. Тот, кто ее учил мыслить, вдруг оторвал взгляд от метафизики и рухнул как Фалес в колодец нацизма. Потому первое время она чувствовала жесткое неприятие интеллектуальной среды Германии и бросилась от одной крайности к другой – от мышления, в которое она была погружена в пору студенчества, и, как следствие, отрицания политического, в деятельность, оторванную от мысли. Пережив эти крайности ей удалось, по крайней мере в себе, примерить мышление (личное) и речь (общественное). Не

находя в себе сил их соизмерить, она ушла от «профессионального философствования» к политическому теоретизированию, что в ее случае способствовало совмещению политики и мышления. К концу своей жизни она была у цели окончательного их примирения, последнюю свою работу «Жизнь ума», чисто философский труд, она не осмелилась бы создать не будь уверена, что ее концепция суждения наконец разрешит многовековой конфликт. Но этого, к сожалению, не случилось.

Ее работу «*Vita activa*, или О Деятельной жизни» увидел свет в 1958 г. Издатель назвал книгу изначально «Уделом человеческим» («*The Human Condition*»), а сама Х. Арндт «более скромным образом замышляла ее» как в русском издании. В ней она дает анализ сущности и значения в различные исторические эпохи трех видов деятельной жизни: труда, создания и действия.

Язык для нее не только объект исследования, но и метод, которым она часто и успешно пользуется здесь. Её подход может быть назван «генеалогическим», поскольку представляет исследование пути, конкретных явлений и их «оседание» в языке, в котором они являются, или скрываются традиционными понятиями. «Именно на язык и основополагающий человеческий опыт, которому язык отвечает, должны мы опереться, если хотим понять крайне разные по сути роды вещей мира, равно как и деятельностей, в каких они производятся» [12, с. 117].

Ее отношение с языком, отражается в первую очередь в том, с какой осторожностью и пиететом она им пользуется. Одним из ключевых инструментов в «*Vita activa*» является семантика и этимология слов, она берет в свидетели язык. Этимологическое происхождение она считала, исконной тождественностью сознанию [8, с. 132]. Несмотря на то, что слову, входящему вместе с поступком в категорию действия отведена отдельная глава, Х. Арндт исследует роль языка на протяжении всей книги «*Vita activa*». Пытаясь отыскать исконные привязки к предмету, она заново открывает слова, которые

до того мы превратно понимали. Она, например, констатирует, что смысл слова *труд* как «беда и муки, боли ... телесного увечья, все на что человек мог решиться только под гнетом нищеты и несчастья» утрачен для нас [13, с. 64]. Но остались коннотации, происхождение которых восходит к Средним векам, когда труд имел оттенок достижения, требующего героической силы и мужества. Подобным образом она анализирует слова *компания* [13, с. 48], *социальный* [13, с. 36], *приватный* [13, с. 52], *мещанин* [13, с. 103], *власть* [13, с. 252] и другие.

На ряду с этим, она дает очень компетентные экскурсы в историю употребления слов в разные эпохи, показывает какие коннотации они приобретают в веках и как в последствии не могут от них избавиться, так что в итоге изначальный смысл перекрывается наслоениями сопутствующих значений. Она указывает на смысловое сближение слов *труд* и *созидание*. И объясняет это стремлением некоторых авторов в угоду теории уйти от исконной явленности слов. Так слово труд и созидание имеющие явно разную «феноменальную явленность» забываются, не приходя к логическому противоречию, и цепенеют в едином для обоих значении.

Говоря об истинах современной научной картины мира, выраженной математическими символами и поддающейся технической демонстрации, она утверждает, что они «...никоим образом уже не могут быть представлены в речи и мысли...» [13, с. 11]. Их невозможно вместить в языковое высказывание, и это проблема, т.к. «ученые живут в безъязыковом мире, откуда им как ученым не выбраться» [там же]. Но опасно другое – их способность к политическим суждениям становится ограниченной из-за сужения речевой активности. Ученые существуют в мире науки, в коем язык утратил свою власть и который языком уже не владеет.

Х. Арендт считает, что именно язык делает возможным мышление – «...мысль возникает из речи, а не наоборот...» [13, с. 38]. Именно действие и

речь лежат в основе деятельности человека, из которой исключено все принудительное и утилитарное. Слово для Х. Арендт внешнее проявление человеческой экзистенции, которая на самом деле сосредоточена в деятельности мышления. Однако слово и мысль имеют нечто общее в принадлежности к миру – они не производительны, ничего не создают и мимолетны как сама жизнь, воплощением которой они в разной степени являются. Мысль действительно – живой дух, но, чтобы остаться в истории и в жизни, она должна быть запечатлена в мертвой букве.

Ни труд, ни созидания так не связаны с жизнью как действие, включающие речь на равне с поступком. Пятая глава «*Vita activa*» дает концепцию языка Х. Арендт в рамках политического. Но стоит уточнить, что политика для нее не институция, а способ общественного существования. Личность для нее раскрывается только в слове. В слове и поступке выступает уникальность каждого, в разъяснении: кто ты? Человек может жить без труда и созидания, по Х. Арендт, но не без речи и поступка.

Философ отрицает примат информационной функции языка, для которой он «слишком обстоятельный» [13, с. 222]. Главная же его задача – дать *явиться* индивиду. Она критикует «пустую болтовню» как средство для лукавства или самообмана. Речь в таком случае ничего не объясняет, но идет себе же наперекор. Являя себя в языке и тем самым в-бытии-друг-с-другом образуется некое *между* – связь такая же мимолетная как поступок и речь, но она действенна в том плане что создает ткань межчеловеческих отношений.

Утверждая слово как величайшую из вещей, она ссылается на аристотелевское понятие энергии, которая характерна для любой деятельности, не преследовавшей цели, не оставляющей после себя никакого конечного результата и исчерпывающей себя в своем собственном исполнении. Если учитель Х. Арендт видел в *Языке* дом *Бытия*, то сама она скорее считала

Политику домом *Бытия*, в то время как язык для нее всего лишь важнейшая из предпосылок политики.

Продукцией речи (и действия) являются истории, создающие традиции, но одновременно с этим речь создает новую реальность, если она не замыкается или не ограничивается извне пустословием, сокрытием истинных намерений, но раскрывает действительность.

Книга «*Vita activa*» не только имеет предметом языке, но и с его помощью написана. Х. Арендт использовала при ее написании семантику, этимологию, сравнительный анализ и историю отдельных слов в каждой из глав, отводя огромные сноски под эти изыскания. Язык может сам указать на ясность в каком-то вопросе, не решенном другими. Но отдельно стоит глава «*Действие*», в которой она впервые дает свой взгляд на язык, обозначая его как вершину человеческой деятельности и подводя всю книгу к этому итогу. Она упоминает и в этой работе связь мышления и языка, но в скользь, ведь она строго разграничила сферу деятельности и ума. Поэтому для того, чтобы понять ее взгляды на мышление мы должны обратиться к ее книге «*Жизнь ума*».

Между «*Vita activa*, или о Деятельной жизни» и «*Жизнью ума*» временной промежуток в шестнадцать лет. За эти годы она написала ряд книг и статей. Помимо исследовательски работ, правда которые не предназначались только для ученой публики, она писала много в публицистическом жанре. Не смотря на критические оценки ее статей, та самая критика со стороны читающей публики и показатель свободы, которая так вдохновляла Ханну Арендт в Америке.

В 1963 году выходит в свет ее работа «*О революции*», преимущественно американской и французской. В ходе разбора она оперирует категориями сугубо языка-носителя идеи, которые употребляются ею в оригинале. Здесь она затрагивает тему языка и насилия. Отмечает, что в периоды ярко выраженной

агрессии со стороны государства слово теряет свою суть, маркера определяющего человека как политическое существо. Главное же, что «...насилие как таковое неспособно к тому, чтобы быть выражено словесно» [11, с. 15]. Сходство между Октябрьской и французской революцией подтверждается ею на материале языка, точнее, «...каким языком был оформлен этот одиозный процесс...» [13, с. 134]. И в начале XX, и конце XVIII века шли речи об раскрытии скрытого, срывании масок, разоблачении фальши и двуличия объективного врага. Здесь же она поднимает проблему революционных «туманных речей», когда новые мысли и действия революционные по своей сути не могут вырваться из пут традиционных высказываний. Лишь некоторым удастся порвать эти «цепи». Тем самым передав величие и новизну их дела. В этом исследовании она вновь берет на вооружение язык, работая с терминами *исономия* [11, с. 32], *революция* [11, с. 39], *persona* [11, с. 144,145], *интеллектуалы* [11, с. 163-165], *системы* [11, с. 200]. Книгу «О революции» Карл Ясперс, с которым она вела переписку всю жизнь, весьма высоко оценил, выше даже «Истоков тоталитаризма».

28 сентября 1959 года Арндт произнесла речь на вручении ей Премии Лессинга. Впоследствии ее опубликуют под заглавием «О человечности в темные времена». В нем мы в очередной раз встречаем ее языковой анализ. На этот раз современного политического жаргона, присущего раннему ФРГ. Акцент сделан ею на клише «преодоление прошлого», которое захватило политические и обывательские умы в начале 1950-х годов. Х. Арндт остро замечает: «Наверное, преодолеть нельзя вообще никакое прошлое, но уж прошлое гитлеровской Германии – безусловно» [12, с. 13]. Она обращает внимание не только на смысл выражения, но и на его словесное облачение, в особенности ее смущает слово «преодоление», имеющее характеристику некоего одоления, притеснения и насилия. Т.е. насилие порождает насилие, будь оно языковое или телесное. Прошлое использовало

инструментализированный язык и словесный диктат и получается до сих пор язык лишь инструмент констатирующе-умерщвляющего преодоления некой неопределенной величины.

Стоит отметить, что «О деятельной жизни» и «Жизнь ума». Это книги о двух сферах, которые невозможно в сознании Х. Арендт объединить: общественную жизнь и философию. Она считала психоанализ как и многие другие научные направления отвлечением, уходом от реальности, но пообщавшись с ней любой аналитик мог бы заметить, что проблема, с которой она столкнулась в 30-е годы XX века – политическая близорукость гениальных философов, ставших подручными режима, наложила отпечаток на многие ее работы. В том числе, предложенные нами здесь для разбора. Их невозможно рассматривать как отдельные самостоятельные книги. Это две большие сферы человеческой деятельности, которые она сначала предполагала тщательно и всесторонне разобрать и в конце концов привести в единство, что ей, к сожалению, не удалось. Она умерла, так и не написав «Суждения», главы «Жизни ума», которая предполагается, могла бы разрешить конфликт между политикой и философией.

Х. Арендт стала политическим комментатором и произвела крупное исследование истории антисемитизма и истоков тоталитаризма, прежде чем триумфально вернулась к своему фундаментальному исследованию жизни ума. «Мышление – занятие одинокое» еще своей студентке Х. Арендт сказал в 1920-х годах М. Хайдеггер. Исходя из того, какое он на нее оказал влияние, можно понять почему она помнила это высказывание практически всю жизнь. Так свою главу в «Жизни ума», посвященную мышлению (1973 г.), она начинает эпитафией с цитатой учителя. Во введении, говоря о мышлении в рамках проблемы А. Эйхмана она вновь обращается к этимологии, на этот раз слов мораль, этика и совесть [3, с.13].

Она отмечает среди причин, побудивших ее к написанию книги по «внушающим священный трепет темам» отсутствие в современном мире времени мыслить [3, с. 11]. Как и в «Vita activa» в анализе различных концепций мышления, например, кантовского различения «Vernunft» (разум) и «Verstand» (рассудок) она с гениальностью распознает исторические коннотации, проясненные к XX веку [3, с. 22].

Глава о мышлении очень «скомканная» и реферативная по содержанию, это выборка интересных ей авторов и их теорий мышления. В первую очередь, Платона, Аристотеля, И. Канта. Создается впечатление, что она и не хотела акцентировать на ней внимание читателя, частые упоминание суждения и воления в «чужой» главе свидетельствуют об интересе Х. Арндт, и это не мышление.

Разбирая известное декартовское высказывание, она отмечает, что мысль подтверждает чье-либо существование только в случае, выражения ее в речи или тексте, которые могут воспринять реципиенты. Многие концепты «Vita activa» нашли новое прочтение в «Жизни ума». Например, концепт *явленности* теперь рассматривается не только как способ человеческого раскрытия миру по средствам языка, но и как *нечто*, воспринимаемое мышлением.

Х. Арндт считает возможным явить жизнь ума посредством языка, языка метафорического. Философы оперируют словами, взятыми из видимого и чувственного мира, однако, используемыми для определения более неясных значений, *идей*, не подвластных человеческому восприятию. Анализу философского языка, зиждущегося на аналогиях из естественного, Х. Арндт посвящает несколько страниц. Так, Аристотель создает свою *energeia* от *energōs*, прилагательного, показывающего, что некто деятелен, работает, занят. Также никто прежде Аристотеля не использовал слово *katēgoria* вне судебных процессов [3, с. 107]. Тоже до него проделал Платон со словами повседневного языка «душа», «идея», «субстанция» и «акциденция». Метафора, как мост

объединяющий видимое и сокрытое, является по мнению Х. Арендт лучшим, чем мог язык наделить мышление. Главной целью метафоры является возможность поворота ума обратно к чувственному миру, чтобы прояснить нечувственный опыт ума, для которого нет никаких слов ни в каком из языков. Метафору Х. Арендт признает только в рамках философии, поэзии и мысли. Ибо в других случаях она используется для уподобления категорий в рамках одного видимого рода и тогда уже теряет свою суть. С помощью языка, точнее метафоры, Х. Арендт разрезает гордиев узел двух миров, невидимого и явленного.

Язык дает нам не только слова для чувственно воспринимаемых вещей, но и слова-мысли, т.е. понятия, используемые нами даже в повседневной жизни, для которых нам не хватило чувственных данных эквивалентов для выражения мышления.

Х. Арендт употребляет слова *речь*, *язык* и *слово* как взаимозаменяемые. И когда она утверждает, что деятельность ума задается речью прежде произнесения, то можно полагать, что задается она языком и постигается им же. Если речь нужна для слушания, то слова для понимания другими, теми кто также обладает способностью говорить. «Различение и индивидуация происходят через речь, использование глаголов и имен, а они есть продукты или «символы» не души, но ума» [3, с.40].

Она пользуется Кантовскими различиями рассудка и разума, чтобы показать разницу здравого смысла и мышления. Иными словами, рассудок стремится ухватить то, что дано чувствами, а разум пытается понять их смысл. От кантовского анализа, она переходит к разграничению истины и смысла, важных, по ее мнению, в понимании природы человеческого мышления. Здесь ей помогает мало исследованный трактат Аристотеля, посвященный языку «Об истолковании». Ожидать, что в результате мышления получится истина, значит путать потребность в мышлении с жаждой познания, заключает она вместе с

Аристотелем. Утратив тягу к мышлению, люди не только потеряли бы способность ставить неразрешимые вопросы, создавать произведения искусства, но и разучились бы задавать обыденные утилитарные вопросы, на которых держаться все цивилизации.

Большую часть тома о Мышлении, она посвящает анализу работ Аристотеля, Канта, проблемам природы мышления, его смысла и задач и прочего. Мышление, воление и суждение хоть и составляют жизнь ума, но они настолько различны между собой, что требуется инкорпорация, «все есть одно». Либо один источник, либо один правитель [3, с. 73]. И можно предположить, им должно было стать суждение, по мысли философа.

Х. Арндт пишет: «...в действительности в нашем мире нет более явной и радикальной противоположности, чем противоположность между мышлением и деланием...» [3, с. 74]. Мышление нерезультативно и не утилитарно, и даже его отсутствие является направляющей силой всей человеческой деятельности. Она иронично замечает, что эпикурийское «живи незаметно» является характеристикой топоса мыслящего человека.

Критерием верности мышления и речи, Х. Арндт называет следование их за зримой очевидностью, ее усваивание и перевод в слова. Но если речь теряет связь с очевидностью или пересказывает мысли чужие, она становится ложной, несвязанной с оригиналом. Мышление будучи шире чем познавательная деятельность, нуждается в речи не только как в облачении в звуки и слова для видимости, но и для самого факта своего осуществления.

Х. Арндт в главе о мышлении формулирует жестокий вывод для интеллектуальной среды своего времени. Делание и понимание настолько разошлись в нашей жизни, что как зритель человек может понимать «истину» того, о чем это зрелище, но отказ от участия в нем слишком большая цена.

Понимая под логосом связанную речь, философ утверждает главенство в нем смысла, но не истинности или ложности. «...мышление – умственная

деятельность, актуализирующая эти продукты ума, неотъемлемо присущие речи и для которых язык помимо какого-либо особого усилия уже нашел подходящий, пусть и временный, дом в слышимом мире» [3, с. 111]. Таким образом, Х. Арндт заключает, что мышление и язык имеют единый источник. И потому язык способен объединить невидимый мир и мир явлений.

«Жизнь Ума» Х. Арндт, кажется, проводит различие между двумя видами мышления, один из которых является подлинно политическим, потому что он ориентирован на дискурс между гражданами с разными взглядами на общий мир, тогда как другой является подлинно философским, потому что он уединен и ориентирован на истину.

Даже подводя черту под своими взглядами на *мышление*, Х. Арндт вплетает в вывод *суждение*. Тем самым говоря о том, что мышление только в купе с суждением, дополняющими друг друга, может предотвратить катастрофы, обладая способностью отличать истинное от ложного, прекрасное от безобразного.

На сто пятой странице «Жизни ума», она, вновь погружаясь в пучину языка, для нахождения доводов полезных ей для раскрытия темы мышления, пишет, что у нее есть оппоненты, кто имеет предубеждение относительно этимологических аргументов. Однако на сколько можно судить по ее работам, она никогда от такого вида доказательств не отказывалась, да и зачем, если ее метод во многом помог ей как в раскрытии деятельной жизни, так и в особенностях нашего умственного существования.

Разрабатывая в первую очередь современные ей и затронувшие ее напрямую проблемы, она никак не могла не подпасть под влияние не только ее преподавателей (Э. Кассирера, М. Хайдеггера), и всей предшествующей немецкой философии языка, но и времени «лингвистического поворота». Она с детства была окружена классическим немецким языком и литературой. Долгие годы занималась исследованием поэзии, в тоже время и сама писала стихи.

Будучи наследницей античной философии, а также И. Канта, живя в эпоху тоталитарных режимов, она грезилась о свободном обществе людей, а таковое возможно лишь по средствам языка, именно он делает человека человеком. Занимаясь проблемами политики и общества, она безусловно огромное место уделяла сфере языка и мышления, как взаимодополняющим явлениям. Этот тандем пронизывает и фундирует многие ее работы, но наиболее разработанными в этом плане являются «Vita active, или О деятельной жизни» и «Жизнь ума», специфически и узконаправленно в рамках тоталитарных систем проблема языка и мышления показана в ее работах «Истоки тоталитаризма» и «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме»

ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ МЫСЛИ И ЯЗЫКА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ БЮРОКРАТИИ

В начале 1930-х годов Х. Арендт в первый и последний раз работая вместе с сионистами занимается сбором и анализом примеров бытового антисемитизма в Германии. Работа окажется краткосрочной и оборвется арестом самой исследовательницы. С этого момента Х. Арендт начинает интересоваться стереотипами языка и мышления, наблюдение за которыми в пестрой общественной среде было недолгим. Однако большой эмпирический материал по данной теме она смогла извлечь из академической, университетской среды Германии, в которой она находилась с 1924 по 1933 года. Академическое сообщество, в которое оказалась инкорпорирована Х. Арендт было воплощением классической немецкой бюрократии и стереотипного мышления, ставших основой для тоталитарной бюрократии. Последняя создала на основе идеологии собственные стереотипы.

§ 1. Ханна Арендт и традиция немецких мандаринов: общее и отличное

Философ указывала на две предпосылки тоталитаризма – бюрократию и расизм. Если расизм получил развитие уже в XVIII веке, развитие бюрократии связано с XIX веком и империализмом. На основе немецкого классического бюрократизма и была выстроена тоталитарная система с вытекающими из нее стереотипами языка и мышления, не редко встречавшимися в академическом сообществе Германии. Отчасти поэтому Х. Арендт считала, что одна из величайших опасностей, стоящих перед нашим временем, – это престиж и власть, предоставляемые интеллектуалам в вопросах правления.

Для Х. Арендт главной неожиданностью и большим разочарованием 1930-х годов стали примкнувшие к режиму интеллектуалы. Однако, будучи социально чуткой она уже в 1926 году отмечала характерное для академического сообщества Германии теневое положение, представлявшееся интеллектуальной элите признаком избранности, а самой мыслительнице уже в то время оплошностью и виной. Именно интеллигенция предаст ее спустя семь лет, повернувшись против нее, в знак солидарности с новым режимом. Нацисты были ее врагами. А ее близкие философы, духовная элита Германии, те, кто жил в добродетели, культурные наследники Гете, Гёльдерлина и Рильке – были теми, от кого она меньше всего ожидала предательства.

В эпоху коренных социально-экономических изменений в жизни Германии в университетской среде начинают соседствовать ученость и мудрость с антисемитизмом и реакционизмом. Внутри высших учебных заведений шло перманентное противоборство двух партий ученых – модернистов и ортодоксов, а научные теории переплетались с размышлениями о судьбе немецкого государства, его политическом, социальном и культурном реформировании. Именно на этот период пришлось формирование студентки Х. Арендт как активиста и ученого. В годы обучения она воочию увидела упадок немецких ученых мужей, выразившийся в приверженности преподавателей нацистскому режиму. Эти события сильно повлияли на исследователя и имплицитно направляли ее последующие выдающиеся работы, в том числе касающиеся стереотипов мышления и языка. Для того, чтобы в них разобраться, нужно лучше рассмотреть каковой была академическая атмосфера и какое место в ней занимали евреи. Каким образом данные процессы повлияли на ее отношение к «профессиональным философам», а также ее политические и социальные взгляды.

В том какую роль в идеях последующих лет сыграла университетская среда на Х. Арендт нам поможет разобраться уникальная книга, первая в своем

роде, «Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890-1933» (1969 г.) Фрица Рингера. В ней рассматривается университетская интеллигенция как социокультурная элита, заслужившая свой статус исключительно благодаря образованию, но не «голубым кровям» или богатству. Автор прослеживает как за полтора столетия менялось немецкое академическое (университетское) сообщество под влиянием новых веяний, и как оно пыталось отстоять свое место в корне изменившемся мире, иногда принимая сторону ортодоксии и обскурантизма.

В свои работы Х. Арендт практически убеждает нас в категорической неприязни профессиональных философов к политике. Тем не менее Фриц Рингер дает нам отличное представление об этих отношениях. Еще со времен В. Гумбольдта и в связи со спецификой самой немецкой науки (Министерство культуры – имело целью возделывание душ граждан), ученые мужи, университетские преподаватели, ощущали свою неразрывную связь со странной и культурой, чтили свой долг перед обществом. Постепенно они вошли в систему бюрократии. Государство создало для преподавателей привилегированное положение «новой знати». «Поскольку мандарины контролируют систему образования, они, по сути, определяют язык своего народа [...] влияют на его социально-политические нормы» [29, с. 17]. Наука, погрязшая в государственно-бюрократической системе, грезила о себе, как культурном хранителе.

Традиция мандаринов восходит к XVIII веку, когда люди неблагородного происхождения, но обладавшие честолюбивыми мотивами, пытались получить как можно больше образования с единственной целью – подняться по социальной лестнице. Именно это по Х. Арендт первый этап кризиса культуры, когда она лишается своей сущности и превращается в утилитарную цель. Так появился новый стратификационный признак – профессионально-образовательный. Первый этап завоевания своего места мандаринам

характеризовался победой классического образования (Гёттингенский университет) над практико-рациональным (университет Галле), что стало основным источником социальных различий. Классическое образование не только оказывало облагораживающее влияние на человека, но и обрело высокий статус, который передавался выпускникам университетов. Фриц Рингер отмечает, что свое превосходство мандарины в некоторой степени завоевали семантически, в самой лексике лежит претензия на особую значимость. Например, главным словом в их лексиконе было Bildung – «...формирование души культурной средой...» [29, с. 109].

Кредо мандаринов это личное и национальное культурное совершенствование. Они брали на себя заботу о сохранении нравственного здоровья нации, что придавало высшему образованию высокое духовное значение, ведь его представители являлись посредниками между земным и вечным. Мандарины хотели создать правовое и культурное государство. Отсюда и параметры политической дискуссии, заданные языком мандаринов, применявшиеся в XIX веке, и не пережившие наступления социально-экономических перемен. Не зря в лондонской газете «Times» за 1860 год Германия была названа «Страна профессоров».

Все университетские лица за исключением рядовых преподавателей с начала XIX века были государственными служащими с постоянным окладом, что делало их финансовое положение равным адвокатам и коммерсантам. В это же время появляется тесная связь высшего образования и бюрократии, основанная на государственных экзаменах, имевших право проводиться только в конкретных университетах, и привилегиях для чиновников. Постепенно в связи со школьными реформами и ужесточением правил сдачи экзаменов появился один из главных социальных барьеров в Германии базирующийся на образовательном различии. На выходе из университета люди получали статус духовной и интеллектуальной аристократии. И напротив – кому не

посчастливилось обрести образования, лишались чего-то невосполнимого ни деньгами, ни происхождением. В отличие от университетов иностранных в Германии ученная степень свидетельство не политических и экономических, но официальных и общественных ценностей. Мандарины занимали свое высокое положение в силу сохранения ими образования как главного фактора социального расслоения в стране до конца XIX века.

Однако по мере становления Германии как индустриальной державы, экономика начала вытеснять университеты с их заинтересованностью в политических, социальных и культурных делах государства. Предприниматели неохотно отдавали своих чад в университеты не обоснованно ассоциируя их с бюрократией, которую не жаловали. В начале века пришла новая политика и социально-экономические партии, которые боролись за свой электорат, чего не делали никогда мандарины. Последние всегда защищали только свое исключительное положение и апеллировали к традиционным политическим законам, национальному величию и культурному творчеству.

После Первой мировой войны мандарины замкнулись на идеализме и консерватизме, отрицая век масс и машин, они строили немыслимые теории, не относящиеся уже к реальной жизни. Всего в трех новых университетах (в Кёльне, Франкфурте и Гамбурге) академическая жизнь была приближена к реальным процессам в Германии и мире.

Мандарины непреднамеренно создали ряд стереотипов вокруг идеи классического культурного совершенствования, но, когда их место духовных блюстителей и наставников Германии пошатнулось, а то и во всем осталось без надобности, они стали инстинктивно подпитывать эти предрассудки, обернувшись строгими ретроgrадами, страшась институциональных и социальных перемен.

Имея активную заинтересованность в государственных делах, и привыкшие к почету, оказанному им государством и обществом, мандарины не

смогли смириться с упадком их роли в связи с социально-культурными изменениями. Не имея желания меняться и адекватно смотреть на вещи (век масс и машин), а также в целях защиты своего привилегированного положения мандарины оборачивались в реакционеров-антисемитов. Они умело использовали свои идеи (иногда совершенно фантастические) и политический климат для консервации своего социального положения. Что же касается политики и мандаринов, то отнюдь они не были аполитичными, в чем критиковала их Х. Арндт. Они были теоретиками политического идеализма. Это проявлялось в формулировке исключительно политических целей, и только в морально-духовном ключе. Аполитичны они были в силу неприязни ими практических сторон политики, ввиду отсутствия такого опыта. Уход в идеализм – самый большой вклад в немецкую политику мандаринов.

Если в конце XVIII века мандарины использовали преобразование личности учащегося под действие культуры для устранения стратификации общества по рождению и богатству, то к середине XIX века они пошли обратным путем. Идеализм, гуманизм, национализм – «три кита», на которых стояло мандаринство. Однако за свое существование около ста пятидесяти лет, они изменили свое значение, и обернулись средствами, но не целями.

Бунт против реальности – вот основа реакционных мандаринов рубежа XIX-XX веков. И именно против таких проявлений со стороны академической среды выступала на протяжении жизни Х. Арндт. Начало века послужило расколом в среде мандаринов, их делению на модернистов и ортодоксов. Единственное, что их объединяло – желание усилить влияние науки на жизнь страны и тем самым решить проблему кризиса культуры. Одним из ярких модернистов в стане мандаринов, срывавшим маски лицемерия со своих коллег, призывая их не бежать от реальности был М. Вебер. Он считал долгом интеллектуала иметь силы принимать неприглядную реальность мужественно, но, когда его коллеги отказывались от этого долга, он находил для них лишь

одно определение – «эрудиты». Что схожее с характеристиками интеллектуалам, данными И. Кантом и в последствии Х. Арендт. Последнюю с М. Вебером роднит и политический активизм, проявлявшийся у обоих в поднимании «неудобных» и замалчивающихся многими вопросов во времена социально-политических катастроф. Другом М. Вебера был К. Ясперс подметивший, что «честное наблюдение свободное от иллюзий, было для Вебера стимулом к напряженному ценностному суждению» [29, с. 424]. Эту характеристика применима и к творческой и преподавательской деятельности Х. Арендт.

Фриц Рингер отмечал, что «...позиция Канта оказала воздействие практически на все аспекты образования в Германии» [29, с. 114]. Помимо этого, в основе наследия мандаринов лежит кантианская критическая философия и идеалистические теории. Поэтому нет ничего удивительного, что Х. Арендт впервые, заинтересовалась и начал изучать И. Канта в 14-летнем возрасте, в 1920-х годах. Также Х. Арендт постоянно находилась в парадигме, заданной университетами Германии, подтверждением служит ее последняя работа «Жизнь ума». Интерес представляет то факт, что, будучи с детства увлечена наследием И. Канта, она идет учиться в Марбург, Фрайбург и Гейдельберг. С двумя последними университетами связана преподавательская и научная деятельность основателя баденской школы неокантианства Г. Риккерта. Если во Фрайбурге ей не удалось застать его лекции, то посчастливилось М. Хайдеггеру, ее учителю. Однако в Гейдельберге Г. Риккерт проработал вплоть до 1933 года и посещение его лекций Х. Арендт весьма возможно, да к тому же К. Ясперс был его слушателем. Не оставляет сомнения, что в работе «Жизнь ума» она ориентировалась на концепции Г. Риккерта, например, о дуализме знания, принадлежащего теоретическому разуму, и морального суждения, относящегося к практическому разуму. Еще одним ученым которого Х. Арендт могла встречать в стенах Гейдельберга был К.

Манхейм. Своим исследованием современных проблем идеологий, он помог Х. Арендт в ее «Исследованиях тоталитаризма». Социология знания К. Манхейма в свое время являла собой атаку на традицию созерцательного знания и чистой истины мандаринов. Потому не удивительно встретить среди ее статей 1930 года одну озаглавленную «Философия и социология», посвященную К. Манхейму и его работе «Идеология и утопия».

Х. Арендт была близка и разделяла взгляды прародителей мандаринов – неогуманистов, являвшихся гарантией свободного, честного и интеллектуально развитого гражданского общества, не же ли их наследников, ее современников, закрывшихся в замке из слоновой кости. У последних не вызвало даже должного возмущения учреждение новой профессорской должности «расового теоретика» в Йенском университете. Очень поздно они поняли, что новая национальная власть хотела властвовать над духом, но не подчиняться ему.

Стоит отметить, что академическая среда на рубеже веков разбивалась на два лагеря: меньшинство республиканское (Демократическая партия) и монархическое большинство, националисты. Мандарины не жаловали демократов и республиканцев, которые, по их мнению, потворствовали массам и машинам. «Антисемитизм плодил аутсайдеров среди еврейских интеллектуалов» [29, с. 287]. Этот статус способствовал не только изобретательности, но и радикальности воззрений. Х. Арендт как еврейка заняла оппозиционное положение – республиканское и модернистское. Процент таких студентов был мал. Строгая социальная иерархия, производимая университетами, дублировалась и в его стенах, подкрепляемая еще к тому же отсутствием связей между уровнями этой иерархии. «Во всем чувствуется нездоровая атмосфера чиновничества, фаворитизма, взаимных обид и недоверия» [29, с. 71].

Очень немногим ученым удавалось противостоять ортодоксам и реакционерам. Априорно-негативное же отношение к евреям и их малое

количество, вынуждало последних находиться в авангарде как научном, так и социально-политическом, ведь с ними итак не считались и находились они всегда в пограничном состоянии. Еврейское меньшинство, куда входила и сама Х. Арндт, в пику общественным настроениям развивало идею республиканства, критику закостенелого мандаринства и новый взгляд на науку, а также адекватное отношение к реальности. Антимодернизм и антисемитизм вот, что толкало молодых евреев-интеллектуалов на борьбу с установившимися порядками.

Мандарины понимая свое проигрышное положение в борьбе за внимание населения, и не способные вступить равную политическую схватку с новыми силами пришли к миру антисемитизма и радикального национализма. Грезя о политике, стоящей выше социально-экономических групп и интересов, они вместе с частью студентов уходили в антиеврейские иллюзии. Бытовой антисемитизм был распространен и в школе. Например, сама Х Арндт упоминает в интервью, что у них с ее матерью было правило: если учительница высказывается в адрес кого-то из детей-евреев некорректно и грубо, то Х. Арндт могла сразу же покинуть школу и пойти домой, после чего ее мать обладавшее общественным статусом слала гневные письма в школу. И здесь мы подходим к проблеме евреев в академической среде. Обладая массой фактов, можно сказать, что не прежди даже Гитлер к власти, Х. Арндт бы не смогла стать профессором в Германии и быть равной в академической среде. Что бы подняться от приват-доцента выше по карьерной лестнице нужны рекомендации профессоров-не-евреев и тут начинался бытовой антисемитизм и стереотипы. И Г. Зиммель, и Э. Кассирер получили должности профессоров в возрасте 45-55 лет.

Немецкие университеты с собственной развитой инфраструктурой создавали человека немецкой культуры и науки. Попав в этот социальный институт, студент, к тому же подготовленный к нему классической гимназией,

оформлял себя как носителя, хранителя, а иногда и создателя немецкой духовности. Однако в тоже время молодой человек оказывался под политическим напряжением профессоров, а последние под давлением со стороны государства. Х. Арендт как нерелигиозной еврейке удалось в себе совместить лучшее из традиции мандаринов, наследие И. Канта и немецкой культуры, но также за счет своего маргинального еврейского положение взрастить в себе модернистские и республиканские основания, которые в последствие оформятся в корпусе ее текстов. Как еврейке эта традиция дала ей стимул вырваться из застывшей среды и не довольствоваться иллюзиями своего превосходства, а бороться за свободу как политическую, так и научную.

Не смотря на неприязнь к официальной когорте мандаринов, Х. Арендт отчасти впитала их дух, и по-своему продолжила развивать их идеи. Словарь Брокгауза, как выражение коллективного мнения мандаринов 1920-х годов, определяет интеллектуализм, как «излишний акцент на всем сознательном и логически дедуцированном – в ущерб воле, практическому действию и всем ценностям жизни...», посему чтобы не уничтожить жизненную силу необходимо возобновить способности воли и практического действия [1, 499]. Таким образом, в конце концов мандарины поняли благодаря философам культуры, поднявшим этот вопрос, что их действия обернулись своего рода трагедией, но к этому выводу они пришли слишком поздно. А Х. Арендт спустя практически пол века напишет две свои главные книги, посвященные этой проблеме – «Vita activa, или О деятельной жизни» и «Жизнь ума».

В 1950 г. Вышла статья Х. Арендт «Последствия нацистского правления», в которой она отмечает, что прежде всего в Немецких университетах следует возродить «...честное исследование, знакомство студента с беспристрастным описанием того, что реально произошло...» [9, с. 426]. Она развивает проблему, поставленную Ф. Рингером об игнорировании учеными мужами и преподавателями фактов реальности в пользу утверждения своих личных

мнений. По мнению Х. Арндт, борьба с этим, главная цель немецких университетов в послевоенное время.

Мандарины появились в эпоху Немецкого Просвещения (Гумбольдт, Шлейермахер, Фихте и др.) как нечто модернистское и публицистическое. Лексикой, которой они пользовались, была намного более привычна их читателям не же ли нам, они выражали кредо, которое было значимо и важно не только профессиональным мыслителям, но и дилетантам. Эта традиция к 1930-м годам обернулась замкнутостью на своем статусе и тщеславии, не имевшим искреннего отношения к судьбам своего народа. Культурное возрождение рубежа XVIII-XIX веков к 1930-м обернулось закономерным упадком, мыслителей не сумевших и не желавших принять реальное положение дел. Часть немецкой интеллигенции, преимущественно преподаватели, необыкновенным образом совмещали в себе классических бюрократов безразличных к мирским, общественным делам, с политической близорукостью и бытовыми стереотипами. Академическое сообщество Германии, определявшее себя как хранителей, носителей и трансляторов немецкой культуры и духа, за сто пятьдесят лет сильно видоизменилось, в том числе бюрократизировалось. Ценности, хранителями которых они себя считали, со временем превратились в капитал, с помощью которого они хотели отстоять свое привилегированное положение в изменяющемся времени. Выродившаяся традиция (бюрократизм, аполитичность и антисемитизм) стала благодатной почвой для новых политических сил. В которых из-за собственной жажды духовного владычества и политической близорукости они своевременно не увидели угрозу тому, что они так оберегали. Мандарины предали свой идеал и долг перед народом, движимые корыстью и страхом оставить свое главенствующее положение, и тем самым не подготовили, не предупредили общество о грядущих катастрофах.

Свою книгу Рингер заканчивает 1933 годом, как концом эпохи мандаринов. Но как тогда рассматривать М. Хайдеггера, учителя Х. Арендт и преподавателя, а в последствии и ректора Марбургского университета?

§ 2. М. Хайдеггер и немецкие предрассудки академической бюрократии

У Ханны Арендт слова «штамп», «стереотип» и «трюизм» были накрыты единым смысловым колпаком. К этому ряду можно добавить и слово «предрассудок», характеризующей ее концепцию как нельзя лучше. Это мнение, вложенное из вне, не сформированное с использованием собственной способности мыслить. Именно это нежелание мыслить было, по ее мнению, величайшей проблемой XX века, приведшей к катастрофам первой половины XX века. Об особом виде «немецкого предрассудка» связанного с нежеланием интеллигенции снисходить до политического мира, говорил и одногруппник и лучший друг Х. Арендт Ханс Йонас [9, с. 18], находившийся с ней в одной университетской среде и до определенного времени почитавший М. Хайдеггера. Последний своим образом жизни и способом мысли он дал пищу для ума Х. Арендт в ее исследовании стереотипов мышления и языка.

В целом влияние М. Хайдеггера ощутимо во всем творчестве Х. Арендт. Что-то она приняла и вынесла в интересовавший ее социальный контекст, с чем-то не согласилась и развила свою мысль в противоположном направлении не же ли учитель. М. Хайдеггер не только научил ее *мыслить*, но и жить в *языке*. От Хайдеггера она научилась «...изоощренной философской работе с важнейшими, стержневыми для ее тем словами и понятиями» [26, с. 213]. Х. Арендт воспринимает хайдеггеровскую технику деконструкции метафизики, а также темы *раскрытия*, *незыблемости* и *публичности*. Но она отделяет их от экзистенциального и переносит в политический контекст. Тем не менее суметь

совместить в своей теории разум, свободу и коммуникацию в большей степени она смогла благодаря общению с К. Ясперсом.

«Дело Хайдеггера», близкого Х. Арендт во многих отношениях человека, стало сильнейшим импульсом к преодолению ей неразрешимого конфликта мышления (философии) и политического разума. М. Хайдеггер не сумел в себе объединить два этих начала и Х. Арендт в текстах, посвященных учителю всегда подчеркивала и акцентировала одно, выдающееся и старалась меньше уделять внимания тому факту, что «волшебник из Мескирха» был компаньоном режима Гитлера. Аристотель высоко ценимый Х. Арендт признавал, что добродетель хорошего человека (в случае Хайдеггера – философа, преподавателя) и дельного гражданина ни одно и тоже. Но Х. Арендт не устраивало такое положение вещей.

В полувековой традиции исследования Х. Арендт ее попеременно считали то исследователем обновившим аристотелевский «praxis», действие, то учеником М. Хайдеггера, и на эти две ипостаси взирали как на взаимоисключающие. В нашем случае влияние Аристотеля и Хайдеггера взаимодополняют идеи Х. Арендт связанные с языком и мышление, особенно стереотипами присущими им в тоталитарные времена. Как бытие дается только в языке, так и действовать человек может только посредством слова (и поступка). Отсутствие языка приводит к стагнации действия и отсутствию бытийственности, характерной для исследуемого нами периода [98]. Семинары М. Хайдеггера, посвященные интерпретации Аристотеля, очень сильно повлияли на Х. Арендт и ее понимание мышления как речи «души к себе» и жизни, как действия.

Было бы трюизмом сказать, что отношения Х. Арендт и М. Хайдеггера весьма специфичны, в некотором смысле уникальны. Одна на двоих эпоха и равная для обоих ценность мышления, но такое кардинально противоположное отношение к общественной жизни и несхожие характеры. Насколько

многогранны были ее интересы, настолько же был многолик круг людей, центром которого она являлась. Как заметил М. Хайдеггер в письме к Х. Йонасу после смерти ученицы [26, с. 275]. Есть ли причина удивляться тому, что среди этой пестрой компании нашелся один «лис».

Х. Арендт воплощает образ мыслителя-лисы из классификации, предложенной И. Берлином. В этом сравнении нет никаких отрицательных коннотаций, присущих русскому фольклору, лишь, то что конкретный мыслитель занимается решением большого спектра исследованных проблем. Среди ее текстов, посвященных учителю присутствует один озаглавленный «Хайдеггер-лис» 1953 г. Он представляет собой иносказательный рассказ о жизни неудавшегося лиса, который не зная разницу между норой и ловушкой и сам в молодости изрядно пострадавший от последних, создал свою хитроумную нору-западню. Только разве что в ней никто долго не оставался, т.к. была она под стать только самому Лису-Хайдеггеру. Тем самым Арендт описала учителя как раз попавшего в ловушку своего стиля мышления и не сумевшего из нее выбраться. Х. Арендт заключает тем, что «...никто не знает сущность ловушек лучше, чем тот, кто всю жизнь сидит в ловушке» [9, с. 592]. Одновременно с прояснением мыслительной составляющей бытия Хайдеггера, она хотела отметить консерватизм учителя, уехав Тодтнауберг он и правда обзавелся «лисьей норой» – лыжной хижиной по его определению. Эту жизнь она расценивала как уход от цивилизации, для того чтобы свести свои контакты с людьми только до тех персонажей, которые будут туда наведываться в качестве паломников. Таким путем, по мнению Х. Арендт, он хотел спасти себя от мира, вырваться из лицемерия и заниматься философией. Однако вскоре, эти бытовые взгляды вторглись и в его собственную философию.

К норе-ловушке М. Хайдеггера Х. Арендт возвращается в опубликованном письме-поздравлении к 80-летию учителя, употребляя на этот раз новое слово – «местожительство». Его как замечает сама Х. Арендт не

затрагивают бури XX столетия, т.к. в таких «норах» как у М. Хайдеггера бушуют собственные мыслительные вихри, которым тысячи лет и в которые полностью погружены обитатели таких мест. В этом письме за 1969 год бывшая студентка Хайдеггера уже не говорит о философии учителя. Но она акцентирует внимание на его педагогической деятельности. В первом же абзаце она отмечает, что вот уже пятьдесят лет он занят *публичной деятельностью* в рамках педагогической работы. Именно вхождение в 1919 году в академическое сообщество Х. Арндт считает его *началом* в публичной сфере. Она приводит цитату из Платона: «ибо начало есть также бог, пока он пребывает среди людей, он спасает все» [12, с. 189], которую можно расценить как тонкий упрек учителю. Начав работать в университете, он дал надежду, открыл для таких же студентов какой была и сама Х. Арндт мир мышления, однако со временем он ушел от общества людей, сокрыв себя в ловушки, и оставив своих учеников без помощи.

Если на рубеже XIX-XX веков немецкие мандарины-ортодоксы и мандарины-модернисты были разделены демаркационной линией университета, то уже Хайдеггеру удалось совместить две яркие черты обоих. В науке и преподавании он был весьма прогрессивен и нетерпим к закостенелости коллег, тем не менее на бытовом уровне он был классическим антисемитом, снисходительно относящимся ко «второму полу», к тому же его общественное поведение в некоторой степени было обусловлено особенностями характера. В письме к Ханне Арндт за 1932/33 года он писал: «...я сегодня в университетских вопросах такой же антисемит, как и 10 лет назад в Марбурге, где я за этот антисемитизм даже получил поддержку от Якобсталя и Фридлендера» [12, с. 71]. Вслед он заверил ученицу, что это никак не затрагивает его личные отношения, в которые входят студенты, преподаватели-коллеги, и конечно, сама адресат.

Для Х. Арндт М. Хайдеггер в первую очередь педагог, и не было бы никакого успеха даже «Бытия и времени» не будь он столь популярен и уважаем студенческим сообществом, которое его боготворило. В юбилейной речи к 80-летию Хайдеггера она будет говорить о нем в первую очередь как учителе, «тайном короле» к которому пытались попасть студенты с разных городов.

Здесь же Х. Арндт показывает свою осведомленность в университетских делах: упадок академического процесса, факультеты, подготовлявшие к чисто профессиональной деятельности студентов, которую философ обозначила как «уютную, солидную систему» и т.д. [9, с. 191]. Против нее как раз и выступила кучка бунтарей, в которую со временем стал вхож и сам М. Хайдеггер. Он говорил со студентами о чем-то изначально философском посреди академических пересудов о философии. В эпоху разрыва с традицией, Хайдеггер заново на глазах студентов открывал актуальность прошлого, минуя тысячелетия. Мышление стало живым, появился учитель, который смог бы ему научить. Однако такое свежее веяние продолжалось не долго в университетской среде. В 1925 году он пишет своей к тому времени уже бывшей ученице Арндт: «Но застой, вероятно, присущ нашим университетам повсюду. То, что мне сегодня рассказывают о Фрайбурге, также ужасает» [13, с. 16]. Хайдеггер ценил Арндт как собеседника, и не в последнюю очередь за ее талант «упреждающего мышления», имея ввиду, что не смотря на сухость и односторонность получаемого текста, ученица поймет все в задумываемом адресантом виде [13, с. 123]. Это доказывает то, что Х. Арндт он доверился и она его понимала очень хорошо. Если мы встречаем в его письмах к ней кажущиеся нам недосказанности, то сама Арндт «читала между строк» послания учителя. В письме 1950 года он пишет: «Все «академическое» и «университетское» наводит на меня страх. Думают, что это, мол, скрытая злоба и непреодолимая досада» [13, с. 123]. На самом деле Хайдеггер чувствует

изменения в университетской среде, утраченную традицию мандаринов, к которой он тоже принадлежал. Пропала атмосфера немецкого университета и в одиночку ее не вернуть, по его мнению.

Однако гибель университета было предсказано уже в 1933 году приходом к власти НСРП. Вскоре М. Хайдеггер становится ректором Фрайбургского университета. В своей речи в связи с получением должности он рассуждает о «духовном задании немецкого народа», который «работает над своей судьбой, выдвигая свою историю в открытость сверхмощи всех мирообразующих сил человеческого бытия и всегда заново отвоевывая себе свой духовный мир» [26, с. 490]. Эти события вложили в Х. Арндт особое недоверие, вызванное склонностью «...интеллектуалов отдаваться политическим течениям, куда бы они ни стремились» [13, с. 29]. Х. Арндт признавалась, что ее деморализовало поведение не врагов, а друзей, которые изначально ни коим образом не способствовали складыванию тоталитаризма. «...они лишь оказались под слишком большим впечатлением от его успехов, чтобы противопоставить вердикту Истории свое собственное суждение» [8, с. 55].

Обращение Хайдеггера в нацизм было предопределенно его отношением к университету как бюрократической инстанции, желанием удовлетворить свои честолюбивые стремления (ректорство) и изменить сложившиеся в академической среде порядки. Еще до прихода к власти национал-социализма М. Хайдеггер обращал внимание на все возрастающий и обездушенный бюрократизм, который его ученица в последствии на ряду с расизмом назовет одним из оснований тоталитаризма. В 1925 годах он пишет ученице «...На сей раз предстоящий семестр наводит на меня ужас, и не только потому, что он повлечет за собой еще больше бюрократической писанины, но и потому, что он выбьет меня из творческой колеи» [13, с. 48].

М. Хайдеггер в 1930-х годах решил воспользоваться возможностью и в некоторой степени воплотить утопическую потребность философа, о чем

писала Х. Арендт, стать правителем города (в случае Хайдеггера наставником фюрера), «то есть навязать городу те «идеи», которые можно понять лишь в процессе уединенного размышления» [44, с. 28]. Но эти озарения невозможно передать обществу посредством языка. Будучи долгое время «агорофобом», не имея опыта в общественных делах у него ничего не вышло хорошего, но напротив он был втянут в настолько ему неприятную сферу «das Man».

По мнению Н.В. Мотрошиловой экзистенциал «das Man» «весьма существенный, если не один из центральных» [26, с. 88]. «das Man» – это диктат бытия, диктат усредненности общества. Человек рассеивается в «das Man», только за его пределами он способен обрести свою самость. Констатируя такой вид общественного бытия, М. Хайдеггер стремился долгое время его избегать, но стал ярким подтверждением своей собственной теории. Желая просветить фюрера, он считал, что сможет не погрязнуть в «das Man», однако усреднился до воззрений масс. Влияние экзистенциала «das Man» на теорию общества Х. Арендт может показаться очевидным. Хайдеггер объединяет в этом слове и повседневное бытие вместе и растворяющееся, незаметное и неразличимое массовое общество, не разграниченные в сознании самого, по-видимому, автора. В то время как Х. Арендт противопоставляет «the mob» («чернь») народу.

Именно в сфере «das Man» производятся и потребляются стереотипы языка и мысли. Находясь в «das Man» человек подпадает под власть других. Все *серединны*, никто не выбивается и не выделяется, такие прецеденты моментально пресекаются. Хайдеггер пишет: «Для людей речь в их бытии идет по сути о ней [середине]» [28, с. 127]. Это речевая середина и есть штамп, стереотип, клише. Для М. Хайдеггера дистанция, середина, уравнение – это и есть публичность. Она только и обладает истинной и способна все толковать, но этим правом она обладает не из-за бытийного отношения к вещам, но напротив от не вхождения в существо дела, потому что она не чувствительна ко

всем различиям уровня и подлинности. Публичность рождает штампы и ими же пользуется. В главе, посвященной «das Man», автор пишет: «И пока люди облегчением бытия постоянно делают шаг на встречу всегдашнему присутствию, они удерживают и упрочивают свое жестоковыйное господство» [31, с. 128]. Это утверждение резко противостоит мнению Х. Арндт, согласно которому напротив только в обществе человек является свободным и может изменить мир вокруг себя в лучшую сторону. Как уже отмечалось М. Хайдеггер не разделяет народ и массы, и выше приведенная цитата, конечно, более подходит под описание массового человека.

Следующий интересующий нас в связи со стереотипами языка и мышления параграф в «Бытии и времени» получил от автора название «Толки». Это слово М. Хайдеггер употребляет без отрицательных коннотаций, так как толки позитивный феномен бытийного понимания. В этой главе вновь идет речь об усредненности. Толки – это продукт интерпретации, когда люди воспринимают уже проинтерпретированные явления за бытийные, первичные. «И поскольку говорение утратило первичную бытийную связь с сущим, о котором речь, соотв. никогда ее не достигало, оно сообщает себя не способом исходного освоения этого сущего, но путем разносящей и вторящей речи» [31, с. 168]. Такая речь принимает авторитарный характер и делает возможным все понять (ошибочно или неточно) без предшествующего освоения дела, и то и другое присуще штампам. М. Хайдеггер считал, что толки не могут быть использованы для сознательной выдачи чего-то за что-то. Они самостоятельно появляются и замыкаются, ограничивая своими смыслами людей. Толки очень вредны, т.к. обладают иллюзорной понятностью, что не дает людям самим спрашивать и разбираться. Толки этап пропедевтический в постижении истины, однако часть людей все-таки остаются на этом уровне. Толки рождаются благодаря превосходству публичности, тем самым М. Хайдеггер вновь показывает нелицеприятные результаты общественной жизни. Наиболее

опасным в толках представляется то, что они становятся «способом бытия, лишённого корней понятливости присутствия». [31, с. 170] Из-за толков люди держаться, как говорит М. Хайдеггер, «в некотором парении над реальностью, считая, что находятся в «мире» с людьми.

Не смотря на собственную критику «das Man» и «толков», в М. Хайдеггере были сильны юдофобские стереотипы, природу и функционирование которого Х. Арндт разбирает в «Истоках тоталитаризма» и «Банальности зла». Упоминает этот аспект и А. Бадью в книге о Хайдеггере, в частности главе «Об использовании слова «еврей». Французский философ считает, что лексика М. Хайдеггера имеют органическую связь с нацизмом через посредство языка, разработанного немецким романтизмом. Это идея перекликается с взглядом самой Х. Арндт на учителя как последнего немецкого романтика.

А. Бадью не считает специфическим соседствование внутри М. Хайдеггера творца планетарной прозы, творческого потенциала с универсальным измерением и ограниченного местом провинциального профессора. По его мнению, М. Хайдеггера надо рассматривать именно в этой диалектике (идеалист/нацист, тонущая провинция/универсальность мысли, ценность брака/любовь к собственной студентке, кабинетные интриги/бескорыстие одиночной мысли), во всех его измерениях. А. Бадью отмечает его провинциальные стереотипы – работа, семья, отечество (Aufgabe, Leben, Heimat). М. Хайдеггера отличала наглядная приверженность ограничительным правилам социальной жизни в немецкой провинции, желание соответствовать. Его забота о реформировании Немецкого университета, вытекавшая из личного опыта угнетения, произвольных ограничений, абсурдных решений, в которых он иногда был жертвой. Именно на посту ректора М. Хайдеггер ощутил «высыхание», бюрократизм своего языка, что вызвало потребность в «новом языке». Он повторяет снова и снова: «Я все чаще

испытываю возможность говорить просто; но это сложно...», согласовать банальность и напыщенность, изобретать из сделанных из лесов камуфляж самому вездесущему языку [77, с. 24].

П. Бурдые в книге «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» обосновывает свой метод, правда, весьма схожий с А. Бадью, в анализе М. Хайдеггера. Так называемое «двойном чтении» (неразделимо политическое и философское), в виду двусмысленности работ немецкого философа «т. е. через отсылку к двум социальным пространствам, которым соответствуют два ментальных пространства» [18, с. 18]. Точно также он рассматривает и лексику М. Хайдеггера, разделяя ее на типичные слова из философского идиолекта («Wesen des Seins», «menschliches Dasein», «Wesenswille», «Geschick», «Verlassenheit» и т. д.), и типично нацистский вокабуляр и «реминисценции из передовиц «Народного обозревателя» и речей Геббельса» [18, с. 19].

Пользуясь излюбленным Арндт сравнением общественной жизни с театром, можно заключить, что Хайдеггер (как и Платон) долгое время, практически все, восседал в королевской ложе, что позволяло ему лучше рассматривать разыгрываемую пьесу. Однако, когда он решил спуститься и сыграть на одной сцене с Гитлером, (Платон с тиранами Сиракуз) философ лишился целостной картины. Длительное пребывание в роли зрителей лишает мыслителей общественного рассудка. Потому Х. Арндт утверждает, что философы не боги, но находятся в едином человеческом пространстве взаимодействия.

Занимаясь исследование политического мышления, Х. Арндт выводит концепт «Профессиональных философов», вроде Платона и Эпиктета, которых характеризует уход от мира, невмешательство, бездействие. Что она, в свою очередь, категорически не принимает. М. Хайдеггер тоже «профессиональный философ» следуя ходу ее мысли, но к нему она всегда относилась с особым

пиететом и сдержанностью. Союзом же мышления и действия был Сократ, который пытался не дать «заснуть» полису, в отличие от ее учителя.

Для читателя Хайдеггер раскрывается не как профессиональный философ лишь в «Черных тетрадах», где его размышления о науке, искусстве и прочем представлены в «бытийно-историческом мышлении», которое было знакомо Х. Арндт по их многолетней переписке. Преамбулой к ним служит, такое предложение: «Это в сущности попытки простого *называния* это *не высказывания* и уж вовсе *не намётки для запланированной системы*» [32, с. 9].

Взгляды Х. Арндт на политическую философию дрейфовали между двумя парами противоположных философов: Платоном и Хайдеггера / Сократа и Ясперса. Когда Х. Арндт касается Платона или Хайдеггера, она склонна опасаться, что философия по своей сути является одиночной, антиполитической и сочувствующей принуждению, когда она концентрируется на Сократе или Ясперсе, она испытывает соблазн поверить, что истинная философия может быть коммуникативной и гармонировать с политикой.

В уже упоминавшийся статье «Последствия нацистского правления: репортаж из Германии» Х. Арндт обращается к проблеме послевоенных немецких университетов. Она указывает на основную, по ее мнению, проблему, стоящую перед ними – «...возрождение честного исследования [...] и устранение тех преподавателей, которые стали неспособны это сделать» [9, с. 426]. Это игнорирование фактов (о чем говорил и Ф. Рингер) не меньше было характерно для гитлеровской Германии, как и обмен свободы слова на диктатуру, «...при которой единственное необоснованное, безответственное мнение обретет монополию перед всеми остальными...» [9, с. 426]. «Молодое поколение кажется окаменевшим, косноязычным, не способным к последовательному мышлению» [9, с. 427]

М. Хайдеггер привнес в жизнь и творчество Х. Арндт уникальный опыт и знания. Как преподаватель и философ он показал ей мир языка и мышления,

его экзистенциал «das Man» и понятие «толки» легли в основу будущих исследований ученицы тоталитарных стереотипов. Между тем политический опыт учителя убедил ее в мысли, что даже мыслители могут попасть в идеологическую ловушку, не будучи чуткими к общественной жизни и социальным процессам, или быть одержимы бытовыми стереотипами.

Немецкая культура, на которую возлагала большие надежды молодая Х. Арндт, оказалась ответственной за немецкую катастрофу. А М. Хайдеггер был живым воплощением как этой сферы, так и крушения ее юных надежд. Х. Арндт уже в студенческие годы понимала историю отталкиваясь от почвы, на которой сама стояла. Так ее присутствие в университетской среде, не будучи безоблачным, принесло большие плоды опыта, которые она вложила в будущие свои исследования, в том числе и тоталитарных стереотипов.

ГЛАВА 3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЯЗЫКА И МЫСЛИ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ

В работе «*Vita activa, или О деятельной жизни*» Х. Арендт приходит к заключению – не работа и созидание, но действие, включающее в себя поступок и слово есть «высшие и человечнейшие занятия внутри *vita activa*» [13, с. 215]. Иными словами, арендтовская *политика*, в которой люди себя являют и в рамках которой они взаимодействуют ради общего блага, является пространством свободы, залогом которого является язык. Однако встает ряд закономерных вопросов – что же по мнению Х. Арендт происходит с языком в тоталитарном обществе и какие функции он выполняет в новых социально-политических условиях? Как меняется лингвокультурное сообщество, доминанта которого переносится из национально-культурной в государственно-политическую сферу?

§ 1. Специфическая логика тоталитаризма как основа стереотипизации мышления и языка

Х. Арендт перенесла термин своего учителя К. Ясперса в политический контекст – тоталитаризм она считает кризисным явлением XX века и его *осевым* опытом, выдвинувшим «...совершенно новую форму правления» [4, с. 621]. В этот период появляется новый тип человека, крайне стереотипизированного.

Книга, к которой мы обратимся в данной параграфе, вышла в свет в 1951 году под заглавием «Истоки тоталитаризма». Этому фундаментальному исследованию предшествовал ряд статей, вышедших в 40-х годах XX века. В них Х. Арендт разрабатывала и излагала в сжатом виде основные идеи,

нашедшие дальнейшее развитие в книге. Были прочитаны курсы «Великая традиция и природа тоталитаризма» в Новой школе социальных исследований в марте-апреле 1953 года и «Идеология и Пропаганда» в Университете Нотр-Дама в 1950 году.

В своей первой работе, принесшей ей известность, Х. Арендт выступает в большей степени как историк, не же ли философ. Потому в среде классических исследователей тоталитаризма она предстает в лице гетеродокса, иноверца [99]. Работа Х. Арендта по тоталитаризму является неортодоксальной по своей антипозитивистской методологии: ее рассказ о тоталитаризме содержит не только научную, но и литературной базе. Например, материалом для ее исследования служили великие антитоталитарные художественные произведения (Дж. Оруэлл, В. Гроссман и др.). Х. Арендт отклонялась от современного ей преобладающего взгляда на нацистский тоталитаризм как реакцию и подражание коммунистическому тоталитаризму. Тем не менее, «Истоки тоталитаризма» впервые дают нам представление о ней как исследователе, мыслящем политически, видящем исторически.

Работа над «Истоками тоталитаризма» у Х. Арендт пришлось на первое десятилетие в США. Она работала на различных мелких должностях – выпускала обзоры книг на своем исправном английском языке, писала политические колонки на немецком языке для «Aufbau», работала неполный рабочий день в Бруклинском колледже, открыла Франца Кафку американскому читателю, работала экспертом над проектом по созданию в Палестине двунационального государства. Однако даже такая загруженность в работе не могла отвлечь ее от пересекших Атлантику в 1942/43 новостей о нацистских лагерях смерти. Это заставило Х. Арендт встать на путь понимания того, что произошло в Европе и Мире. Она начала выходить за пределы своих политических колонок к книге, которая в конечном итоге получила название «The Origins of Totalitarianism». В 1951 году, в том же году, когда «Истоки

тоталитаризма» были опубликованы, Х. Арендт стал американским гражданином, официально отметившим новое начало в своей жизни. Вскоре после того, как она закончила эту рукопись, написанную изначально на английском Х. Арендт начала переводить ее на немецкий язык. Зимой 1949-1950 годов философ посетила Германию в качестве сотрудника Еврейской культурной реконструкции. В этой поездке она использовала проект перевода «Истоков тоталитаризма» в качестве лекционных текстов в разных немецких университетах. Первоначально ее работа была с энтузиазмом воспринята небольшой группой вокруг журнала «Die Wandlung» под руководством Карла Ясперса, Дольфа Стернбергера, Вернера Крауса и Альфреда Вебера. Тем не менее в среде специалистов по тоталитаризму (Карл Ф. Фридрих, Збигнев Бжезинский, Хуан Дж. Линц и другие) ее теория была воспринята с большим скептицизмом.

В преддверии переиздания книги в 1958 году Х. Арендт пересмотрела и обновила первоначальный вариант. Она заменила «Заключительные замечания» на эссе под названием «Идеология и террор». Здесь она более подробно обосновала свое утверждение о том, что Советский Союз при Сталине был тоталитарным. Она также добавила эпилог, посвященный венгерской революции 1956 года. Интерес представляет, что в 1996 году, для русскоязычного издания было выбрано первое издание 1951 года «Истоков тоталитаризма», хотя отечественному читателю были бы интересны замечания автора, вошедшие в издание только 1958 года.

До появления этой книги Х. Арендт слово тоталитаризм было в обиходе более 30 лет. Уже с 1920-х годов его использовали в основном для обозначения того общего, что объединяет коммунистический и нацистский режимы. Однако только у нее оно приобрело теоретически выверенный характер. «И первое и, быть может, самое главное, чему учит нас книга Х. Арендт, – это предельно серьезному и аккуратному обращению с ее заглавным понятием. Не шутить с

ним! Не кокетничать и не заигрывать! Ибо обозначает оно слишком серьезные вещи, стоившие жизни миллионам и миллионам людей» [4, с. 624].

Х. Арендт была новатором, разработавшим теорию тоталитаризма в качестве беспрецедентной формы правления и превратив эту теорию в часть политологического знания. Она определяет тоталитаризм, как режим отличный от диктатуры в следствии того, что он выступает не только против открытых врагов правящего режима, но и против людей, «невинных даже с точки зрения самих правящих партий» [8, с. 65]. Власть при данном режиме экстраполируется на все сферы жизни, общество в такой ситуации становится полностью монолитным, т.е. координируемым. Число людей, принимающих решения в политических вопросах, замещается фигурой одного (Гитлер, Сталин). Но прежде всего – это система тотального террора, создающего атмосферу всеобщего страха насильственно сбивающую одиноких людей в массы.

Некоторое время после выхода книги Х. Арендт и ряда других монографий теория тоталитаризма была подхвачена академиками, делавшими реальную политику в США (Збигнев Бжезинский) и ФРГ (Карл Фридрих). «Но уже после 1968 года концепция считалась устаревшей, критиковать ее в Америке стало хорошим тоном, и в конце концов упоминать само слово «тоталитаризм» в академической аудитории стало неприличным» [52]. В России оно входит в универсальный лексикон после 1991 года в качестве «всеобъясняющего ярлыка», отрицательного синонима Советской власти. Х. Арендт признает, что даже сам термин «тоталитаризм» стал к 1949 году политическим клише, модным словом, используемым в популярном языке для обличения политического зла [9, с. 516]. Для Х. Арендт популярный язык тоже, что и хайдеггеровские толки – он дарует предварительное понимание, открывающее путь к подлинному, собственному мышлению. При тоталитаризме клише, стереотипы ограничены предварительным пониманием без выхода к

собственному. Однако и предварительное понимание имеет свои минусы – оно может погружать все, что «...незнакомо и должно быть понято, в сумбур привычек и правдоподобностей» [9, с. 519]. Это и произошло с термином «тоталитаризм», за которым не увидели ничего оригинального, кроме как модификацию тирании и диктатуры. Ю.Н. Давыдов засвидетельствовал в своем послесловии к русскому изданию «Истоков тоталитаризма», что с опозданием, но все же к 1996 году слово «тоталитаризм» стало модным и на постсоветском пространстве. Хотя до этого использовалось «совсем уж анонимное клише» для обозначения тоталитаризма в российской науке – «административно-командная система» [4, с. 623].

В произведениях разных лет, в период между 1930-ми и 1950-ми годами, мы часто встречаем у Х. Арндт ряд взаимозаменяемых слов в ее лексиконе, отражающих кризис мышления и языка – это эвфемизм, штамп⁹, клише, банальность, в некоторых случаях даже традиция¹⁰. Объединяет эту группу, то какие негативные коннотации Арндт им придает. Эту группу родовых слов, синонимичных для Х. Арндт в рамках тоталитарного мышления и языка, мы обозначили общим видовым понятием стереотип, которое совмещает в себе значения всех приведенных слов. Впервые слово «стереотип» в 1922 году Уолтером Липпманом в значении «затвердевших, схематических, объективно во многом неправильных когнитивных формул, которые имеют центральную функцию принятия решений в процессах преодоления окружающей среды и преодоления мира» [4, с. 92, 115]. Стереотипы являются в то же время

⁹Штамп (клише) — стереотипное выражение, механически воспроизводимое в типичных речевых контекстах и ситуациях; шаблонная фраза, выражение. Наборы часто употребительных словосочетаний и фраз, а также тем и сюжетов, шаблонных образов, инерция речевых и художественных приемов оказывают влияние на всех носителей языка и культуры. Некритическое отношение к штампам мешает проявлению личной индивидуальности [42].

¹⁰В статье «Традиция политической мысли» Х. Арндт вновь обращается к критике обусловленности традицией рассмотрения беспрецедентных феноменов, таких как, например, тоталитаризм. «Подобная изоляция нашей традиции от любого опыта, не вписывающегося в ее рамки, – даже если это опыт из ее же далекого прошлого, требующий переинтерпретации понятий и придания словам новых смыслов, – есть одна из самых значимых черт этой традиции» [23].

относительно жесткими, сверх-индивидуальными или распространенными мысленными образами.

Некоторым современным исследователям стереотипы представляются инструментом упорядочивания знания, помогающим человеку ориентироваться в жизни и необходимым, чтобы «справиться со слишком объемной, сложной и быстротечной для восприятия окружающей нас средой». Но Х. Арндт отмечает продуктивность стереотипов как вспомогательных, но не основных способов человеческой мысли и говорения. Кроме того, после эпохи тоталитарных режимов, и сопутствующих им катаклизмов, наивно полагать, что человеку может помочь в моменты социальной неустойчивости, стереотипы. Их место должна занять способность *суждения*, выведенная автором из кантовской эстетической теории.

Главными проявлениями человеческой «*Vita activa*» представляются Х. Арндт поступок и слово, только благодаря им человек становится человеком, может вступать во взаимодействие с другими гражданами и делать мир вокруг себя комфортнее. Когда человека извне лишают слова, которое является проявлением мысли, его свобода оказывается под угрозой, ведь теперь он не может коммуницировать с другими людьми и бороться за свои и общественные идеалы и ценности. Он становится подчиненным. Так происходило при тоталитарных режимах. Люди были лишены языка и мышления, взамен чего получили скудные стереотипы на все случаи жизни. Они не смогли больше вступать в свободное общение и решать проблемы, нависшие над обществом.

Х. Арндт подчеркивала, что цель тоталитарных режимов была беспрецедентной, однако средства для их достижения были новыми, лишь несколько модифицированы. В таком же духе известные и до 1930-х годов стереотипы были преобразованы и использованы вождями в целях низвержения сущности человека. Нет особых тоталитарных стереотипов или штампов, есть лишь новое их функционирование и назначение. Из пред-понимания они

превращаются в «мыслительные протезы» с помощью которых человек существует в тоталитарном обществе.

Большая часть, интересующей нас книги, ориентирована на раскрытие ключевых, по мнению Х. Арендт, исторических предпосылок тоталитаризма – антисемитизма и империализма. Открывая оглавления, мы увидим, что лишь третья часть книги посвящена рассмотрению самого явления, получившего название тоталитаризм. Это, на наш взгляд, связано отчасти с «открытостью» темы (Сталин умрет только спустя 2 года после первого издания книги) и с тем, что прошло слишком мало времени, что бы можно было пользуясь эмпирическими данными сформировать более-менее целостное представление о системе (книга написана спустя 6 лет после краха Гитлеровского строя). «Истоки тоталитаризма» книга, написанная по «горячим следам», первая в своем роде, пропедевтическая в исследованиях тоталитаризма. Тему тоталитаризма Х. Арендт будет развивать и в дальнейшем в статьях и книгах.

Обращаясь непосредственно к теме исследования стоит отметить, что взгляд автора на стереотипы языка и мысли нам дается в тринадцатой главе «Истоков тоталитаризма» – «Идеология и террор: новая форма правления». В название выведены два столпа тоталитаризма – террор и идеология. Именно последняя по мысли Х. Арендт, производит стереотипы языка и мысли. Если террор внешнее принуждение, то идеология – внутренне. Некогда запущенная логичность идеи, инертно направляет одиноких и разобщенных людей.

Здравый смысл, как общая для всех людей одной культуры часть сознания и унаследованной мудрости, при тоталитаризме смещается логичностью. Что подразумевает «искажение идеи до посылки в логическом смысле, то есть некоторого самоочевидного утверждения» [9, с. 526]. Логичность из которой вытекают тоталитарные штампы имеет претензию на надежность независимо от мира и других людей.

Именно эта логичность составляет основу идеологии, характерной для

тоталитарных режимов. Затрагивая тему идеологии, мы не можем не упомянуть философа, к которому Х. Арендт оппонировала чаще других, – К. Маркса. В заочную полемику она с ним вступала в нескольких книгах и лекциях, прочитанных ею в различных университетах Европы и США. Х. Арендт постоянно подчеркивала исключительность составляющих тоталитаризма, уникальна и его идеология, которая приобретает совершенно другое значение не же ли классическое марксово.

До 1930-х годов в виду плохой изученности и малого количества опубликованных работ К. Маркса под идеологией вслед за Ф. Энгельсом понимали ложное сознание. В то время как сам Маркс использовал слово «иллюзия», подразумевая, что реальность порождает иллюзию о себе самой. «Идеология есть иллюзорное представление о реальности, вызванное данной реальностью и включенное в нее. [51, с. 62] Помимо этого К. Маркс не считал, что целью идеологии является манипулирование *другими*, а скорее самообман, иллюзия, порождаемая в человеческом праксисе¹¹ из-за ограниченности общественных отношений. В следствии чего, частичная деятельность осознается как всеобщая. Чаще всего это иллюзии эпохи о самой себе.

Для Х. Арендт идеология не выдумка или обман, а самая настоящая реальность, то что провозглашали лидеры Германии и СССР на словах, должно было в последствии приобрести реальные формы. Она дает новую трактовку понятия идеология, не потому что марксово ее не устраивает, но ввиду того, что сам феномен тоталитаризма меняет ее суть. Она выводит новое, актуальное значение из самого строения слова идеология, его буквальности – «идеология», т.е. «она есть логика идеи» [4, с. 608]. Переноса основное ее значение на *процесс* развертывания идеи. Тоталитарные режимы придерживались представления, что возможно все. Потому идеология – это не то, что дает история (родовая или индивидуальная по К. Марксу), но то, что возможно не

¹¹Праксис (греч. praxis действие) – активность преследующего свои цели человека.

только создать в теории, но и привести в жизнь. По Х. Арндт «идеологии, т.е. всяческие «измы», могущие, к удовольствию своих приверженцев, объяснить все и вся, выводя любое событие из единственной предпосылки, суть явление очень недавнего происхождения, и долгое время они играли ничтожную роль в политической жизни» [4, с. 608].

Свобода для Х. Арндт выражается в способности самостоятельно мыслить и говорить. При тоталитарных режимах люди меняли эту свою способность на «смирительную рубашку логики, которой человек может сам себя изнасиловать почти так же беспощадно, как это сделала бы внешняя сила» [4, с. 608]. Самое страшное для Х. Арндт отказаться от «неизбежной проблематичности философской мысли» ради всеохватывающего логического объяснения [там же]. В тоталитарных государствах все объяснялось либо законами истории (СССР), либо законами природы (Германия). Эти «Идеи» (истории/природы) стали инструментом объяснения всего и вся. Причем не только прошлого, они ставили своей задачей также полное понимание настоящего и даже будущего. «...идеологические клише сфабрикованы для того, чтобы помочь массам в их поисках истины...» [4, с. 504].

Стремление к тотальному объяснению с помощью идеологического мышления разрывает связь с реальностью, с опытом. Тоталитарный образ мысли и, следовательно, язык находятся за пределами человеческих пяти чувств и настаивают на какой-то «более истинной» реальности, скрывающейся за явлениями «земного мира». Для раскрытия этой реальности необходимо шестое чувство. Им обладают харизматические вожди, транслирующие затем через канал бюрократов, познанные ими истины массе в закаменелых формах стереотипов. Если язык, по мнению Х. Арндт, посредник мышления, замораживающий, превращающий его в слова, то идеология замораживает прежде всего мышление и как следствие язык [8, с. 240].

Если тоталитарные режимы отбросили опыт и реальность как питательную

почву для мысли, то из чего она произрастала? Без помощи опыта, она самопорождалась из однажды принятого и неизменного мысленного материала. Когда взятая за отправную точку посылка, установлена, опыт более не мешает идеологическому мышлению, и никакая реальность не может на него повлиять.

На равне с бюрократией проводником идеологических стереотипов стала наука, натурализирующая несчастное существование людей, объясняя его социальными механизмами или законами истории. «Язык учености», по словам Арендт, «соответствует потребностям масс», и потому этим языком «так охотно пользовались тоталитарные режимы, а особенно советский» [9, с. 208]. Массы потеряли свое место в культурном мире и в поисках утешения стремятся «к реинтеграции в ряду вечных, господствующих над миром сил» [там же].

Х. Арендт несколько раз в тексте использовала слово «самопринуждение» [4, с. 615-616] в отношении идеологического мышления, тем самым, показывая вирусную суть новых идеологий, зерна которых единожды заложенные, запускают не прекращаемый механизм автоматического мышления, говорения и действия.

Без стереотипов или клише, предоставленных идеологией, «...тщетно пытаться найти последовательную точку зрения, пусть даже и плохую» [9, с. 428]. «Трафареты логического рассуждения» в огромных количествах насаждались и прославлялись перед массами с намерением начисто ликвидировать даже малейшую возможность, обратного преобразования логики в мышление [4, с. 621]. Идеологические клише служили также весьма посредственной функции организации масс.

Параграф, посвященный идеологии и стереотипам, предваряет другой, обозначенный автором как «Тотальное господство». Речь в нем идет о концентрационных лагерях, в которых также устраняют изначальную возможность спонтанности. В гетто, лагере или городе на всех оккупированных территориях ставились опыты по низвержению Человека, с помощью

различных, но предельно извращенных методов.

По мнению Х. Арендт, люди в сложные для их государства времена в первую очередь должны отдавать предпочтение словесным дебатам не же ли оружию, но это, конечно, с оговорками, что дело происходит в свободном обществе. Насилие затыкает рот человеку и делает его молчащим. «Слова, используемые для сражений, теряют свое качество речи, они становятся клише» [9, с. 510]. Томас Шестаг, один из оригинальных исследователей Х. Арендт, говорит об логике высказываний, логике философской, как инструменте террора, принуждающем «к говорению, молчанию и тотальному уничтожению». Эта логика предполагает также и виднеющееся на горизонте «уничтожающего языка самоуничтожение» [4, с. 71, 120].

В упоминавшейся ранее статье «Последствия немецкого правления: репортаж из Германии» Х. Арендт констатирует «неспособность (немцев) четко сформулировать мысль или адекватно выразить свои чувства» из-за тоталитарного опыта, лишившего их спонтанной речи и понимания [9, с. 428].

«Истоки тоталитаризма» стали ответом для Х. Арендт на вопрос, что было для нее настоящим поворотным моментом 20-го века. Как она выразилась в предисловии к первому изданию: «Подземный поток западной истории наконец вышел на поверхность и узурпировал достоинство нашей традиции. Это та реальность, в которой мы живем» [4, с. 81, 205]. По мере того, как мысль Х. Арендт выходила за рамки этой работы, ее беспокойство по поводу целого ряда явлений, связанных с тоталитаризмом, становилось все шире и глубже. Этот вопрос она расширила в исследовании условий, которые позволили людям совершать преступления против человечества, которые привели ее в Иерусалим для наблюдения за процессом над А. Эйхманом.

Таким образом, теория стереотипов, развернутая Х. Арендт на фоне тоталитаризма, базируется на темах, интересовавших автора на протяжении всей жизни – свободы, мышления и насилия. В стереотипах автор видит особую

форму насилия языка и мышления. Стереотипы являются представителями идеологий, которые берут на себя познание истины. Они замещают человеческое оригинальное мышление и язык, преподнося уже готовую «пищу для ума», которая не нуждалась ни критике, ни в обсуждении.

§ 2. Х. Арендт об А. Эйхмане: банальность мысли и языка

Спустя более десяти лет после публикации «Истоков тоталитаризма» Х. Арендт дополняет свою концепцию, благодаря поездки в качестве журналиста от «The New Yorker» на судебный процесс в Иерусалиме над А. Эйхманом, сотрудником гестапо, непосредственным ответственным за массовое уничтожение евреев. Эта поездка дала ей возможность увидеть реального человека до ужаса похожего на «идеальный тип» обрисованный ею в 1951 году. Ее реакция на это событие принесла новое измерение ее мышлению. Объясняя во введении к «Жизни ума» (1973-75), почему она «от сравнительно безопасной области политической науки и теории повернула к внушающим священный трепет темам» [3, с. 11] Х. Арендт первой причиной называет суд над А. Эйхманом. Опубликованный сначала в журнале, а затем в качестве книги анализ судебного процесса стал, по сути, частью разворачивающейся истории «Истоков тоталитаризма» с обсуждением «радикального зла». Результатом наблюдения за процессом стала самая скандальная книга Х. Арендт «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме». Не вступая в дискуссию «pro et contra», лишь отметим в след за Х. Арендт: «...большая часть полемики развернулась вокруг книги, которой я никогда не писала» [9, с. 47].

Суд над Адольфом Эйхманом, придал дополнительный импульс ее размышлениям о политике и философии. Наблюдения в рамках процесса способствовали ее размышлениям с одной стороны, об отношении политики к истине, а с другой – об отношении между мышлением и моралью. Нас же в ней

интересуют заметки и размышления автора относительно поведения подсудимого, анализа его языка и мышления.

Лидеры тоталитарных режимов по-новому раскрыли тему аристотелевского идеального государства, в котором каждый гражданин может по необходимости быть правителем и управляемым. Тоталитарный режим должен управлять своими подданными и для этого он использует идеологию, как «двустороннюю подготовку» каждого на роль и жертвы, и палача [4, с. 608] А. Эйхману в процессе обучения досталась роль последнего. Уместно вспомнить параграф о немецких мандаринах – преобладание консерваторов над модернистами было неоспоримо в истории немецкого университета. Таким образом, если студент не в ортодоксальном дискурсе, частью которого были стереотипы, ему будет практически невозможно закрепиться в университетской, академической среде. «Во времена безуспешной борьбы за среднее образование» (которое он так и не получил), перед А. Эйхманом встал выбор СС или масонская ложа Шлариффия, в которой к тому моменту он уже состоял и был завсегдачяем [1, с. 33]. Тем не менее выбор был сделан, в пользу первого. Масонскую ложу составляли «уважаемые обыватели со степенями, надежными карьерами и «утонченным юмором», чьим самым страшным грехом было пристрастие к розыгрышам» [тамже]. Эйхману недолго удалось пообщаться с представителями прогрессивного академического сообщества, тем не менее дальше он уже работал с представителями элиты СС, людьми с университетским образованием. Вместе с приказами он получил свой набор «языковых норм». «Огромная восприимчивость Эйхмана к клише и расхожим фразам вкупе с его неспособностью к речи обычной превратила его в идеального носителя «языковых норм» [1, с. 81]. Даже отвечая на вопрос о причинах вступления в партию «он неловко повторял заезженные клише по поводу Версальского договора и безработицы; как он сказал во время процесса,

его скорее «втянуло в партию – вопреки всем желаниям и абсолютно бессознательно» [1, с. 34].

4 мая 1935 года И.В. Сталин провозгласил в Кремлевском дворце «Кадры решают все». Кадры, подготовленные террором или идеологией, становятся ее дальнейшими проводниками в массы. Особое место в этом процессе занимают бюрократические элементы (вроде А. Эйхмана), «смазывающие» зубчики идеологического колеса.

Бюрократию Х. Арендт представляет, как «...форму правления – правление должностей, в противоположность правлению людей – бюрократия, к несчастью, оказывается правлением никого и по этой причине она является наименее человеческой и наиболее жесткой формой правления» [8, с. 63]. Это определение отличает некоторое сходство с экзистенциалом «das Man» ее учителя. Будучи нацистским бюрократом «до мозга костей», А. Эйхман принимал все сходящие сверху фразы-клише и лозунги за «крылатые слова» (известные цитаты из классиков), а бесприкословные приказы за истину в последней степени, не требующей критически замечаний с его стороны или простого факта мыслительного анализа собственных действий в рамках системы. Таких людей как А. Эйхман называли «убийцами за письменными столами» [8, с. 297]. Его преступления, по мысли Х. Арендт, были лишены «интенциональности». Вместо этого А. Эйхман был всего лишь винтиком в массивной бюрократической машине, в которой проступок стал нормой, следовательно, «банальностью». По ее мнению, ужасающая бюрократизация и в большой степени изменение лексики делали все возможное для искоренения способности мышления у человека. А. Эйхман был лишен ее от части благодаря продуманной политики тоталитарного режима, которая уводила своих граждан от реальных событий жизни, они были удалены от нее.

Подсудимый представлялся классическим должностным лицом, делающим дюжину поручений, ограниченных и сверхэффективных. Это

сторона его деятельности казалась бы нормальной, если бы ограничивалась только рабочим местом при достойном политическом строе. Тем не менее при тоталитаризме эта бюрократичность «выливается» в реальный мир, ставший жуткой копией канцелярского существования, в виде стандартизированных жестов, кои их авторы неустанно повторяют, чтобы избавиться от суждения. Как отметила С. Бенхабиб «...банальность зла», возможно, была «рутинизация зла» или ежедневность [95, с. 192]. Всему причиной аналогическое мышление, преобладавшее в бюрократической среде. Оно управляет логикой повседневности, где торжествует ориентация на ожидаемые и установленные закономерности и правила. По этой причине аналогичное мышление рутинизирует, нормализует и делает незнакомое знакомым.

Как бюрократа и на работе, и в жизни подсудимого отличало знание, а не мышление. А. Эйхман знал, как что-то делать, например, как координировать транспорт. Но для Х. Арендт знание и мышление не одно и то же. Первое не подразумевает остановки и размышлений о значении собственных действий, о правильности транспортировки поездов с людьми к их смерти. Для А. Эйхмана единственное, что было бы неправильно, так это невыполнение работы. «Моя честь – моя преданность» – одно из тех клише, которые он называл «крылатыми словами», а судьи — «пустопорожней болтовней» [1, с. 93]. Потому он и был очень горд на суде своей работой, что выполнил ее чересчур хорошо.

А. Эйхман сумел вульгаризировать даже моральную философию И. Канта, обозначив ее, как «кантианство, адаптированное для домашнего использования маленького человека» [1, с. 120]. Он признался, что был привержен кантовскому категорическому императиву, пока не понял, что сам уже собой не владеет и стал подчиняться воле фюрера в виде законов. Он сумел смешать моральную философию и представления о законе И. Канта. Моральный императив превратился в императив фюрера в сознании А.

Эйхмана, а предложение «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» обернулось «поступай так, чтобы фюрер, узнав о твоих поступках, мог тебя за них похвалить» [1, с. 121].

«Бюрократический стиль – это единственный доступный мне язык» признался он [1, с. 48]. Не в его силах было не произнести ни одной неклишированной фразы. Но проблема заключалась в том, что этот бюрократический дискурс, давно перешагнув за пределы институционального применения, захватил собой приватный и общественный регистр. Использование клише и бюрократической морали наряду с пылким желанием почувствовать себя значимым, сделало реальной для него неспособность ясно мыслить о том, что он делает.

Сверхзадачей тоталитарного господства, было «упразднение свободы, даже уничтожение человеческой спонтанности вообще» за счет организованной бюрократии. Последняя говорит канцелярским языком, ставшим языком общества. Стереотипы так же оковы спонтанности, спонтанности живого языка.

На равне с бюрократизмом почвой для стереотипов (и тоталитаризма в целом) стало одиночество. Массы состоят из одиночек, насильно сдавленных в сообществе, единственным средством общения в которых становятся стереотипы. Когда люди находятся в замкнутой общественной среде, вместе они вырабатывают бесцветную лексику несвязанную с реальными вещами и с процессами, происходящими в жизни. Люди не в состоянии общаться между собой на родном языке вследствие изымания у них возможности мыслить, т.е. возможности думать с точки зрения не только себя, но и других. Такой возможности был лишен не только А. Эйхман.

Для Х. Арндт мыслительный процесс, актуализируемый речью – это «сугубо человеческая способность, явным образом конституирующая меня как личность, и я буду оставаться личностью до тех пор, пока смогу повторять этот процесс все снова и снова [3, с. 140]. На примере А. Эйхмана мы убедились, что

его речь была бессмысленна, поскольку он пожертвовал высочайшим проявлением речевой способности – мышлением [8, с. 139]. Из этого следует, что Х. Арендт понимала мышление, как речевой процесс. Последний у А. Эйхмана был за ненадобностью начисто рудиментирован тоталитарной муштрой и заменен стереотипами.

Для Х. Арендт подсудимый был не столько адским монстром, сколько бессмысленным дураком, нашедшим выход из положения в клише. «... судьи были совершенно правы, когда назвали все, что говорил обвиняемый, «пустопорожней болтовней» ошибка их заключалась лишь в том, что они сочли эту пустопорожность уловкой, призванной скрыть чудовищные, но далеко не пустые мысли» [1, с. 48]. В этом предложении Х. Арендт подчеркивает, что стереотипы, штампы или «пустопорожняя болтовня» являются следствием отсутствия мыслительной активности. Не смотря на плохую память Эйхман, «...дословно повторял одни и те же клишированные фразы (если ему удавалось сконструировать свою собственную, «авторскую» фразу, он и ее повторял до тех пор, пока она не превращалась в клише)...» [1, с. 48].

Не смотря на пагубное влияние, оказанное стереотипами, на язык и мышление народа, все же они представляют часть немецкого тоталитарного дискурса, отражающего историю и культуру Германии того времени. Комичность сражений А. Эйхмана с немецким языком, даже не могла быть переведена на другие языки. Не все «чудовищные клише» (вроде «мира с бывшими врагами», «радостный подъем» и др.) были спущены немцам сверху, некоторые из них, особенно в послевоенное время были сформулированы ими самостоятельно, но эти стереотипы были столь же далеким от реальности, как и остальные клише, по которым жители Германии жили в течение двадцати лет. Сознание Эйхмана было также переполнено такого рода сентенциями до самого края» [1, с. 52]. В распоряжении обвиняемого имелся разнообразнейший набор клише на каждый момент его жизни и на каждый вид деятельности. «...ЭТОТ

чудовищный дар – находить успокоение в затертых клише – не оставит его и в смертный час» [1, с. 54]. Эйхман променял все богатство языка на эвфемизмы, что привело его к банальности и варварству. Между правилами языка, которыми он пользовался и ложью можно было ставить знак равно. А. Эйхман с легкостью поддавался стереотипам для выражения всех вещей его окружавших. Х. Арендт отметила уникальную способность подсудимого использовать даже не соответствующие моменту клише. Так он перед лицом смерти не нашел, что сказать *от себя*, но в его сознании всплыло клише, используемое на похоронной службе. «Под виселицей его память сыграла с ним последнюю шутку: он «испытал подъем» и забыл, что это – его собственные похороны» [1, с. 223]. На примере, А. Эйхмана мы убедились, что человек столкнувшись с ситуациями, для которых не существовало рутинных процедур и стереотипов, оказывается совершенно беспомощен. Чем уже и ограниченной мир, тем проще в нем функционировать стереотипам, но, когда он ширится и разнообразится стереотипы приходят в негодность.

В целом «правила языка», стереотипы были такими же инструментами тоталитаризма как террор и бюрократия. Они выполняли ряд функций, в том числе:

1. организации, поддержания порядка в массовом обществе и в административной среде.
2. защиты от реальности, т. е. от требования размышляющего внимания ко всем событиям и фактам, которые обусловлены нашим существованием.

В случае А. Эйхмана:

3. морального алиби, притупления чувства ответственности, формирования менталитета убийцы. Этот процесс был запущен первым военным декретом Гитлера. Слово «убить» было заменено на фразу «гарантировать милосердную смерть» [4, 97]. А. Эйхман

посылал миллионы людей на смерть, «но был не способен говорить об этом так, как принято у «образованных», не прибегая к помощи «языковых норм» [4, 128]. Политика XXI века полна примеров проговаривания легального, но совершения противозаконного, правда это делалось умышленно. А. Эйхман искренне считал, что он дарует милость, а не совершает убийство. Наблюдая за «человеком в стеклянной клетке»¹² Х. Арендт сделала вывод, что он точно не тот, кто думал или судил, а только тот, кто бездумно подчинялся воле своего фюрера и отражал моральную среду, в которой он жил.

4. обмана и маскировки. Реальность сглаживалась до лицеприятного зрелища с помощью языка. Подсудимый никогда не использовал слово «убийство», но лишь «специальное лечение», не «депортация», но «переселение». Обильно употреблял термины из медицины в контексте массовых чисток и концентрационных лагерей.

Процесс над А. Эйхманом послужил не только импульсом для написания главной философской книги, к сожалению, не дописанной Х. Арендт «Жизнь ума», но и подтверждением ее ранее выдвинутых концепций в «Истоках тоталитаризма» и «Vita activa, или о Деятельной жизни». Как уже говорилось ранее, для Х. Арендт высшим проявлением деятельности являются, воплощающие ее поступок и слово. Они являются неотделимыми друг от друга. Тем не менее подсудимый на процессе в Иерусалиме утверждал, что «действия важнее слов», что «слова были бы бесполезны» [1, с. 116]. Эти реплики вызвали ожидаемый скепсис со стороны философа. А. Эйхман говорил заготовленными фразами, не имевшими никакой привязки к той реальности, «в которой «всего лишь слова» уже были действиями и в которой, возможно, его долгом было бы проверить, насколько «бесполезны слова» [1, с. 116]. Не стоит расценивать

¹²Все дни, что шел процесс А. Эйхман находился в специальном стеклянном помещении, оборудованном, на месте, занимаемом подсудимым в традиционных случаях судопроизводства.

сказанное Х. Арентд в адрес А. Эйхмана в качестве кабинетной мудрости философа, не застигнутого катастрофами Второй мировой войны. Во-первых, Х. Арентд была арестована и находилась в лагере для интернированных в 1930-х годах. А во-вторых, у нее были примеры, когда слово было равно действию, как раз это не признавал подсудимый. В Дании в ходе Второй мировой войны немецкие власти, базирующиеся на ее территории, «отступили перед тем, что они презирали больше всего: перед простыми словами, сказанными открыто и публично», при том, что самим чинам не грозило никакое вооруженное сопротивление или партизанская война, но лишь *слово* [8, с. 38].

Высказанное в резкой форме, убеждение Х. Арентд в том, что подсудимый был «шутком» встретило резкую критику. Она, конечно, сама испытала шок, когда, вопреки ее собственным ожиданиям, А. Эйхман «во плоти» оказался более клоуном, не же ли монстром. Ведь не может человек, будучи убийцей миллионов людей, не иметь вида монстра каким его выставило правительство Израиля. Тем не менее философ несколько раз подчеркивала, что неправильно судить inferнальные силы – ответственность лежит исключительно на конкретном человеке. В некоторой степени назвать А. Эйхмана шутком – это ударить по системе новообразованного еврейского государства. Все тексты Арентд были как выражался П. Бурдые «философской сублимацией». С сионистами у нее всегда были натянутые отношения, особенно осложнились они после того, как потерпели крах в следствии иудейского напора ее усилия по созданию на территории Иерусалима двунационального государства. Она приехала на процесс, чтобы увидеть зло во плоти, которое оказалось, в конце концов, на ее взгляд, посредственным бюрократом. И тогда ее внимание переключилось на организацию самого процесса со стороны Израиля. Правительство которого решило сделать А. Эйхмана козлом отпущения, а суд театром для зрителей всего мира – он должен был «заплатить» за все тяготы, пришедшиеся на еврейский народ в период

Мировой войны, да и всей истории. План чинов Израиля мог быть уничтожен из-за того, что, губитель еврейского народа не сам дьявол, но «шут».

В 1971 году Х. Арендт пишет эссе «Мышление и соображения морали» в котором опять возвращается к процессу А. Эйхмана и поясняет один из самых спорных собственных концептов – «банальность зла». Она пишет, что под ним она понимает не теорию или учение, а «нечто всецело фактическое», ужасные злодеяния, в основе которых не лежало никакой патологии, но только «исключительная поверхностность» [8, с. 218]. Этим фактом она хотела уменьшить самовозвеличивание архитектора *окончательного решения* до средних размеров. Беда в том, что она использовала свой голос довольно недипломатично. В этой статье Х. Арендт дает свое представление о клише, как «...конвенциональных речевых оборотах...защищающих нас от реальности, т.е. от притязаний на нашу мыслительную активность» [1, с. 219].

Х. Арендт признавалась, что была уверена – «все мы по-прежнему считаем вслед за Сократом, что лучше страдать, чем совершать дурные поступки» [8, 48], тоталитарные системы изменили ее взгляды на этот счет. А процесс над А. Эйхманом вовсе показал, что можно совершать дурные поступки, не зная, что они дурны. «В нем не было никаких признаков твердых идеологических убеждений или каких-то особенных злых мотивов» [3, с. 12]. Его характеризовала «не глупость, но безмысленность» [там же]. «Бездумность» А. Эйхмана (отсутствие мышления) позволили ему совершить чудовищные поступки.

И преградой для саморефлексии преступника послужили отчасти мыслительные и языковые стереотипы. Х. Арендт признает, что без клише мышление истощило бы людей. Но уникальность А. Эйхмана и людей при тоталитарных режимах в том, что те самые мыслительные притязания им вовсе не знакомы. В борьбе с клише для нее ярким представителем был Сократ,

очищавший людей от непроверенных предрассудков, которые мешали мышлению, внушая людям что они что-то знают.

Начать мыслить и выносить суждения – вот, что Х. Арендт считала, действенным способом борьбы с ними. Это поможет «...не принимать прочно засевшие в уме категории и формулы, опытные основания которых давно преданы забвению, а правдоподобность основывается на логической согласованности, а не на адекватности текущим событиям» [8, с. 70]. Ту же профилактическую роль играет родной язык, который должен стать «единственной надежной системой координат» [8, с. 37]. Именно слова, а не идеологически наполненные сентенции, используемые человеком в обыденной речи, приобретают особый вес, определяющий их употребление и защищающий от бездумных клише.

Если некоторые критики видели в «Истоках тоталитаризма» идеальный тип, сконструированный с очевидными политическими целями – «...испугать читателя, показав ему наглядную модель общества, в котором политические противники предлагают жить» [70, с. 172], то суд над Эйхманом не только наглядно продемонстрировал ряд ее прежних тезисов, но и показал сущность, вещественность тоталитаризма.

Х. Арендт определяла поведения А. Эйхмана не как аберрацию, но как характерную черту современности, имеющую своим основанием одиночество, не способность, не желание самостоятельно мыслить и говорить, а также разрыв с традицией. А. Эйхман участвовал в величайшем акте зла в мировой истории из-за его неспособности критически мыслить о нацистской идеологии, верность которой он сохранял до последнего момента и которой придерживался как источника значимости в одиноком и отчуждающем мире. Х. Арендт проанализировала как прошлое А. Эйхмана, так и его поведение в суде и вывела из этого нечто любопытное, а именно – неумение мыслить и говорить.

Эта лакуна восполнялась за счет стереотипов, предоставленных массам их руководителями.

Именно анализ книг «Истоки тоталитаризма» и «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» позволяет говорить о существовании авторской теории стереотипов языка и мышления у Х. Арндт. Эти произведения можно рассматривать как своеобразные этапы в изучении проблемы тоталитарных стереотипов. Если «Истоки тоталитаризма» — это сумма эрудиции, логики и воображения Х. Арндт, то книга «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» является непосредственным опытом культурфилософской дескрипции человека-бюрократа периода Третьего Рейха: он воплотил в себе стереотипы языка и мысли этой системы и творчески выразил их как свои собственные.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование концепции Ханны Арендт, посвященной анализу социокультурных стереотипов мышления и языка в тоталитарном обществе, позволяет сделать вывод: определенная в начале работы исследовательская проблема получила теоретическое решение, а поставленные для его достижения задачи выполнены.

Выявление характерных особенностей арендтовской концепции тоталитарных стереотипов языка и мысли было необходимо начать с рассмотрения духовной традиции, образовательной и научной, которая послужила почвой и творческим контекстом для оформления и развития идей Х. Арендт. В немецкоязычной культуре всегда присутствовало повышенное внимание к вопросам языка, мышления, личностного самоопределения, также, как и к феномену обезличивания, духовной усредненности, человеческой стереотипности. Особенно ярко и образно эти вопросы были поставлены немецким романтизмом, стремившимся преодолеть строгие рационалистические рамки просвещенческого классицизма. Вместе с тем, тогда же, в начале XIX века, концептуально оформляется немецкая философия языка, крупнейшим представителем которой явился В. фон Гумбольдт. В исследовании подчеркивается, что идеи Гумбольдта оказались востребованы не только его современниками, но и последующими поколениями ученых. Не менее важно и то обстоятельство, что гуманитарное знание, гуманитарные науки, опирающиеся на феномен языка, утверждаются базой реформированного Гумбольдтом университетского образования. К моменту обучения Х. Арендт в крупнейших и стариннейших университетах Германии они первенствовали в исследованиях по языку, теории сознания и познания. От ряда гумбольдтовских лингвистических, семиотических, герменевтических идей отталкивались ученые, философы, литераторы начала XX в.; среди них

были учителя и современники Х. Арндт: Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн, В. Беньямин.

Не менее значимым идейным направлением в общей духовной атмосфере Германии рубежа XIX-XX вв. было неокантианство, включавшее проблематику языка и мышления в широкий научно-философский и культурно-политический контекст. Чрезвычайно важным стало для Х. Арндт академическое общение с Г. Риккертом и Э. Кассирером; неокантианские трактовки символического характера языка, сознания, культуры отличались от гумбольдтовских целенаправленными поисками базовых универсальных мыслительных структур и определением их функциональности. В работе также охарактеризован интерес Х. Арндт к лингвистическим исследованиям Л. Витгенштейна, как раннего, так и позднего периода, во многом обусловившего феномен «лингвистического поворота» в западной философии и культуре XX века.

Рассмотренные теоретические позиции послужили своеобразной почвой, на которой стояла и от которой отталкивалась Х. Арндт при выработке собственной концепции в исследованиях тоталитарных стереотипов мышления и языка. В процессе реконструкции ее исследовательской программы, посвященной философии языка и мышления, в работе была прослежена не только преемственность относительно предшествующей традиции, но и формирование собственной методологии, развитие в трактовках языка и мышления, разнообразия в истолковании их взаимосвязи и взаимозависимости.

Разрабатывая в первую очередь современные проблемы, Х. Арндт не могла не откликнуться на влияние своих именитых преподавателей (Э. Кассирера, М. Хайдеггера и др.), и также предшествующей немецкой философии языка, прежде всего, в форме неогумбольдтианства, а позднее — на идеи «лингвистического поворота», определявшего основное направление западной общественной мысли в течение нескольких десятилетий, одним из крупнейших и своеобразнейших представителей которого был Л. Витгенштейн.

Также особый интерес и внимание Х. Арндт на протяжении ряда лет привлекали творчество и жизнь В. Бенямина, немецкого историка культуры, философа и литературного критика.

В работе подчеркивается, что, хотя главные произведения были написаны Х. Арндт уже в эмиграции, в Америке, некоторые основополагающие моменты ее научного горизонта определились еще в студенческие годы в Германии. Прежде всего, это тема языка, вербального и невербального, также особые возможности мышления относительно языка, слова. Эти акценты достаточно рано были направлены Х. Арндт на изучение политики и общества; данное проблемно-тематическое измерение она считала не только злободневным, но и фундаментальным, подлинно философским. Проблемы взаимосвязи и взаимозависимости языка и мышления, их специфической формализации в том или ином социально-политическом пространстве пронизывают многие ее труды, но наиболее разработанными в этом плане являются произведения: «*Vita activa*, или О деятельной жизни» и «Жизнь ума». Специфически и узконаправленно применительно к рамкам тоталитарных систем проблема языка и мышления показана в ее книгах: «Истоки тоталитаризма» и «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме».

При непосредственном обращении к теме тоталитаризма как области функционирования стереотипов языка и мысли за отправную точку был взят тезис Х. Арндт о бюрократизме как одном из столпов тоталитаризма. В исследовании изучена и охарактеризована история академической бюрократии Германии, предоставившей не только базу под канцелярию Третьего рейха, но и определившей характерные для системы стереотипы языка и мысли. Академическое сообщество Германии, определявшее себя как хранителей, носителей и трансляторов немецкой культуры и духа, претерпело значительное изменение за период существования гумбольдтовского университетского проекта, помимо прочего, бюрократизировалось. Часть немецкой

интеллекции, университетская профессура, необыкновенным образом совмещали в себе добросовестных ученых и классических бюрократов, достаточно равнодушных к общественным делам, политически близоруких и нагруженных бытовыми стереотипами. Ценности, хранителями которых они себя считали, к началу XX века превратились в специфический идейный капитал, который, казалось, позволял отстоять привилегированное положение в изменяющемся времени и социокультурной реальности.

В этой связи был проведен анализ последнего яркого представителя этого академического сообщества, учителя Х. Арендт – М. Хайдеггера. Показано, что многие хайдеггеровские интуиции, касающиеся философии языка, были восприняты и переосмыслены Х. Арендт: один из его ключевых экзистенциалов, «das Man», а также экзистенциал «das Gerede» («толки, досужие разговоры, болтовня») легли в основу будущих исследований тоталитарных стереотипов, сделанных его ученицей. Но представляется более важной хайдеггеровская весьма своеобразная критика бюрократизма и мыслительных стереотипов, а также его неоднозначный общественно-политический опыт 1930-х годов, который был подробно исследован Х. Арендт для разработки собственной концепции «деятельной жизни». Этот материал подтвердил принципиальный тезис Х. Арендт: неумение мыслить, а именно, мыслить *политически*, в целях создания положительной и продуктивной атмосферы в обществе, может быть в той же степени присуще интеллектуалам, как и обычным людям; ученые и философы могут попадать в идеологические ловушки, не будучи чуткими к общественной жизни, и/или когда они нагружены бытовыми стереотипами.

Исследуемой проблеме подводится итог в последних параграфах работы, где анализируются фундаментальные труды Х. Арендт, посвященные феномену тоталитаризма. Именно анализ книг «Истоки тоталитаризма» и «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» позволяет говорить о существовании авторской

теории стереотипов языка и мышления у Х. Арендт. Эти произведения можно рассматривать как своеобразные этапы в изучении проблемы тоталитарных стереотипов. Если «Истоки тоталитаризма» – это сумма эрудиции, логики и воображения Х. Арендт, то книга «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» является непосредственным опытом культурфилософской дескрипции человека-бюрократа периода Третьего Рейха: он воплотил в себе стереотипы языка и мысли этой системы и творчески выразил их как свои собственные. Теория стереотипов языка и мышления, примененная Х. Арендт к феномену тоталитаризма, исходит из проблематики, постоянно интересовавшей автора – это вопросы личностной самостоятельности, мышления, языка, свободы, социальной ответственности, насилия. В работе отмечается, что Х. Арендт усматривала в стереотипах особую форму насилия над языком и мышлением, которые при этом становятся инструментами идеологии, берущей на себя функцию познания истины. Тем самым идеология замещает оригинальное мышление и язык, преподнося готовые утверждения, не нуждающиеся ни в критике, ни в обсуждении.

Проблема тоталитарных стереотипов языка и мысли долго оставалась в тени широко разработанных в арендтоведении тем деятельной жизни, способности суждения, моральной ответственности и др. В представленном исследовании не только выявлена эволюция взглядов Х. Арендт на проблему стереотипов языка и мышления применительно к тоталитарной системе, но и раскрыта уникальная авторская концептуализация данной проблемы. Х. Арендт призывала к осознанному знанию прошлого, то есть, истории, когда понятна невозможность его преодоления и, одновременно, необходимость «терпеть это знание», продолжая поиски личностного выражения в языке и мысли.

Современный инструментализированный язык и его диктат перешагнули границы тоталитаризма. Во второй половине XX-го и в начале XXI вв. язык приобрел черты констатирующе-умерщвляющего инструмента для достижения

конкретных целей конкретными лицами. Проведенное исследование дает перспективу более глубокого изучения стереотипов языка и мышления в современном обществе с учетом теоретической базы, предложенной Х. Арндт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Х. Арендт – М.: Издательство «Европа», 2008. – 424 с.
2. Арендт Х. Вальтер Беньямин. 1892-1940. / Х. Арендт – М.: ООО «Изд-во Грюндриссе», 2014. – 168 с.
3. Арендт Х. Жизнь ума / Х. Арендт – СПб.: Наука, 2013. – 517 с.
4. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
5. Арендт Х. Лекции по политической философии Канта / Х. Арендт – СПб.: Наука, 2011 – 303 с.
6. Арендт Х. Люди в темные времена / Х. Арендт – М.: Московская школа политических исследований, 2003. – 312 с.
7. Арендт Х. Между прошлым и будущим / Х. Арендт – М.: Изд. Института Гайдара, 2014 – 416 с.
8. Арендт Х. Ответственность и суждение / Х. Арендт – М.: Изд. Института Гайдара, 2014. – 352 с.
9. Арендт Х. Опыты понимания, 1930-1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / Х. Арендт. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 712 с.
10. Арендт Х. О насилии / Х. Арендт – М.: Новое издательство, 2014. – 148 с.
11. Арендт Х. О революции / Х. Арендт – М.: Издательство «Европа», 2011. – 464 с.
12. Арендт Х. Скрытая традиция / Х. Арендт – М.: Текст, 2008. – 224 с.
13. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Ханна Арендт – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 416 с.
14. Арендт Х., Хайдеггер М. Письма 1925-1975 и Другие свидетельства /Х. Арендт, М. Хайдеггер – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 456 с.
15. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / Аристотель – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с.

16. Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла / А. Бадью – СПб.: Machina, 2006. – 126 с.
17. Берлин И. Философия свободы. Европа / И. Берлин – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
18. Берлин И. История свободы. Россия / И. Берлин – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.
19. Бибихин В. Мир. Язык философии / В. Бибихин – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 448 с.
20. Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / П. Бурдьё – М.: «Праксис», 2003. – 256 с.
21. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры / Альфред Вебер – СПб.: Университетская книга, 1998. – 565 с.
22. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения – М.: Прогресс, 1990. — С. 645.
23. Витгенштейн Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – с.440.
24. Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х / Г.Ч. Гусейнов – М.: Три квадрата, 2003. – 272 с.
25. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
26. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал, ун-та. – ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
27. Любин В.П. Преодоление прошлого: Споры о тоталитаризме / В.П. Любин – М.: РАН ИНИОН, 2005. – 112 с.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – 689 с.

29. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие-время-любовь / Н.В. Мотрошилова – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – 526 с.
30. Мюллер-Коллар М. Маленький театр Ханны Арендт / М. Мюллер-Коллар – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 64 с.
31. Рейфилд Д. Сталин и его подручные / Д. Рейфилд – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 576 с.
32. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890-1933 / Ф. Рингер – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 648 с.
33. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / Р. Сафрански – М.: Молодая гвардия, 2005. – 614 с.
34. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер – М.: Академический Проект, 2011. – 460 с.
35. Хайдеггер М. Размышления II—VI (Черные тетради 1931-1938) / М. Хайдеггер – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 584 с.
36. Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963 / М. Хайдеггер, К. Ясперс – М.: Ad Marginem, 2001. – 415 с.
37. Фюре С. Прошлое одной иллюзии / С. Фюре – Ad Marginem, 1998. – 640 с.
38. Чудакова М.О. Язык распавшейся цивилизации материалы к теме / М.О. Чудакова // Мариэтта Чудакова: новые работы: 2003-2006 – М.: Время. С. 234-348.
39. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / Александр Эткинд – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 328 с.
40. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 664 с.

41. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
42. «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / Отв. Ред. Н.Б. Вахтин, Б.М. Фирсов – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 424 с.
43. Современное значение идей Ханны Арендт: материалы международной конференции / отв. Ред. А.Н. Саликов. И.О. Дементьев – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. – 103 с.
44. Тоталитаризм как исторический феномен / Философское общество СССР; редакционная коллегия: А.А. Кара-Мурза (отв. редактор), к.ф.н. А.К. Воскресенская (отв. редактор), к.ф.н. Л.В. Поляков, к.ф.н. В. П. Перевалов, О.А. Ярцева, к.и.н. А.Л. Миллер, Г.А. Пырин. – М.: 1989. – 396 с.
45. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
46. Аверинцев С.С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации / С.С. Аверинцев // Новый мир – 2001. – № 9 – С.114-150.
47. Арендт Х. Традиция политической мысли / Х. Арендт // «Логос» – 2012. – № 3 (87) – С. 18-35.
48. Арендт Х. Философия и политика / Х. Арендт // История философии – 2008. – Вып. 13 – С. 153-180.
49. Арендт Х. Разговор с Гюнтером Гаусом. Телевизионное интервью. Октябрь 1964 г. / Х. Арендт // Социологическое обозрение – 2013. – Т. 12. № 1 – С. 3-23.
50. Арендт Х., К. Шмид. Право на революцию. Разговор между профессором Карло Шмидом и философом Ханной Арендт (1965) / Х. Арендт, К. Шмид // Социологическое обозрение – 2016. – Т. 15. № 1 – С. 56-74.
51. Баллаев А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса / А.Б. Баллаев // История философии – 1998. – С. 55-75.

52. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдьё // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – С. 125-166.
53. Дмитриев Т.А. Возвращаясь к истокам: Философия и политика, Сократ или Платон? (К публикации статьи Ханны Арндт «Философия и политика») / Т.А. Дмитриев // История философии – 2008. – Вып. 13 – С. 141-152.
54. Дуденкова И. Начинание, рождение, действие: Августин и политическая мысль Ханны Арндт / И. Дуденкова // Социологическое обозрение – 2015. – Т. 14 №1. – С. 105-119.
55. Земская Е. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания – 1996. – № 3 – С. 23-31.
56. Зубец О.П. Об одном месте из «Никомаховой этики» / О.П. Зубец // Этическая мысль – 2014 . – Вып. 14 – С. 86-111.
57. Косич И.В., Мишкинене Ю.Б. Ханна Арндт / И.В. Косич, Ю.Б. Мишкинене // Философия и политика // Вестник МГУ. Серия 7. Философия – 1991. №6. – С.79-92.
58. Лившиц М.С. Научный семинар по книге Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» / М.С. Лившиц // Социологический журнал = Journal of sociology – 1995. – № 4 – С. 224-231.
59. Мотрошилова Н.В. Современные штампы и предрассудки в суждениях о философии и гуманитарной культуре советского периода // Философские науки – 2015. – № 4 – С. 64-80.
60. Прокофьев А.В. Подвижная ткань межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х.Арендт) / А.В.Прокофьев // Этическая мысль – 2004. – Вып. 5 – С. 53-73.

61. Рогожа М.М. Запрет на ложь в этике поступка. Опыт прочтения эссе И. Канта «О мнимом праве лгать...» сквозь призму философии Х. Арендт / М.М. Рогожа // Этическая мысль – 2016. – Том 16 – С. 112-129.
62. Рогожа М.М. Этические импликации смыслов тоталитаризма в исследованиях Ханны Арендт / М.М. Рогожа // Этическая мысль – 2015. – Том 15 – С. 221-245.
63. Саликов А.Н. Политическая философия Ханны Арендт и современность: Интернет как пространство публичности / Саликов А.Н. // Кантовский сборник: Научный журнал – 2008. – 2 (28) – С. 74-83.
64. Трубина Е.Г. Идентичность в мире множественности: прозрения Ханны Арендт / Е.Г. Трубина // Вопросы философии – 1998. – № 11 – С. 116-130.
65. Магун А.В. Понятие суждения в философии Ханны Арендт / А.В. Магун // Вопросы философии – 1998. – № 11. – С. 102-115.
66. Мадиевский С. Ханна и её редактор / С. Мадиевский // Зарубежные записки – 2008. – № 14. – С. 185-189.
67. Малышев М.А. Концепция тоталитаризма в творчестве Ханны Арендт / М.А. Малышев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук – 2010. – № 10. – С. 297-328.
68. Давыдов Ю.Н. Ханна Арендт и проблема тоталитаризма / Ю.Н. Давыдов // Новое и старое в теоретической социологии – 1999. – Кн. 1. – С. 144-160.
69. Ямпольский М. Сообщество одиночек: Арендт, Беньямин, Шолем, Кафка / М. Ямпольский // НЛО – 2004. – №67 – С. 78-105.
70. Ямпольская А. Речевой акт как событие: Деррида между Остином и Арендт / А. Ямпольская // Социологическое обозрение – 2014. – Т. 13. № 2 – С. 9-24.
71. Филиппов А.Ф. Мышление и смерть: «Жизнь ума» в философской антропологии Ханны Арендт / А.Ф. Филиппов // Вопросы философии – 2013. – № 11 – С. 155-167.

72. Эткинд А. Из измов в демократию: Айн Ранд и Ханна Арендт / А. Эткинд // Знамя – 2000. – № 12 – С. 161-181.
73. Шестаг Т. Непреодоленный язык: теория поэзии Ханны Арендт / Т. Шестаг // Новое литературное обозрение – 2004. – № 67 – С. 106-126.
74. Шудра О.В. Ханна Арендт о «радикальном зле» / О.В. Шудра // Известия вузов. Правоведение. СПб – 1995. – № 6 – С. 95-102.
75. Шудра О.В. Ханна Арендт: суждение об ответственности / Шудра О.В. // Московский журнал международного права = Moscow journal of international law. – 1995. – № 3. – С. 125-138
76. Философско-литературный журнал «Логос». «Язык и национальное сознание» – 2005. – № 4 (49) – 253 с.
77. Философско-литературный журнал «Логос». «Кант под цензурой. Переводчики под трибуналом. Рынок и форум. Коты» – 2012. – №3 (87) – 224 с.
78. Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка / П. Бурдьё // «Отечественные записки» № 2 (23); гл. ред. Шулов С.В. – М, 2005. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-воспроизводстве-legitimnogo-yazyka> (дата обращения: 11.01.2018).
79. Anthony F. Lang Jr., John Williams. Hannah Arendt and International Relations. Readings Across the Lines. – New York: Palgrave macmillan, 2005. – 236 p.
80. Badiou A., Cassin B. Heidegger. Les femmes, le nazisme et la philosophie. – Paris: Librairie Arthème Fayard, 2010. – 112 p.
81. Bergen B. The banality of evil: Hannah Arendt and «the final solution» Rowman & Littlefield Publishers, 1998. – 169 p.
82. Cochereau M. Connaître en Citations Arendt. – Paris: Ellipses Marketing, 2016. – 224 p.
83. Collin F. L'homme est-il devenu superflu? Hannah Arendt. – Paris, Odile Jacob, 1999. – 332 p.

84. Kristeva J. *Le Genie feminin. Hannah Arendt.* – Paris, Fayard, 1999. – 408 p.
85. Kristeva J. *Hannah Arendt: Life Is a Narrative.* – Canada, University of Toronto Press, 2000. – 100 p.
86. Marco Goldoni and Christopher McCorkindale (eds). *Hannah Arendt and the Law.* – London: Hart Publishing, 2012. – 382 p.
87. Richard H. King, *Arendt and America.* – Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 416 p.
88. Taminiiaux J. *La fille de Thrace et le penseur professionell: Arendt et Heidegger.* – Payot, 2006. – p. 248.
89. Phillip Hansen. *Hannah Arendt: Politics, History and Citizenship.* – NY.: John Wiley & Sons, 2013 – p. 274.
90. Faye E. *Arendt et Heidegger. Extermination nazie et destruction de la pensée,* Paris, Albin Michel, collection «Bibliothèque Idées», 2016. – p. 560.
91. Wolin R. *Heidegger's Children: Hannah Arendt, Karl Löwith, Hans Jonas and Herbert Marcuse.* – Princeton university press, Princetonandoxford, 2001. – p. 276.
92. Young-Bruehl E. *Hannah Arendt: For Love of the World.* – L., 1982. – p. 108.
93. Arendt H. *The Concept of History: Ancient and Modern / H. Arendt // Between Past and Future* – NY.: Viking Press – 1968. – p. 246.
94. Aharony M. *Hannah Arendt and the Idea of Total Domination / M. Aharony // Holocaust Genocide Stud.* – 2010. – Vol. 24. N 2 – P. 193-224.
95. Benhabib S. *Hannah Arendt and the Redemptive Power of Narrative / S. Benhabib // Social Research.* – 1990. – Vol. 57, No. 1. – P. 167-196.
96. Bergler B. *Six: Stereotype und Vorurteile / B.Bergler // In: C. F. Graumann (Hrsg.): Sozialpsychologie. – Band 7 (2). Halbband. – Göttingen Verlag für Psychologie, 1972. – S. 115.*
97. Bystricky J. *Fractal identity and Hannah Arendt (towards identity problems and defragmentation of subject) / J. Bystricky // FILOZOFIA – 2002. – Vol .57. N 7 – P. 493-504.*

98. Canovan M. Socrates or Heidegger? Hannah Arendt's Reflections on Philosophy and Politics / M. Canovan // *Social Research* – 1990. – Vol. 57. No. 1. – P. 135-165.
99. Canovan M. Arendt's theory of totalitarianism: a reassessment / M. Canovan // *The Cambridge Companion to Hannah Arendt*. Ed. by Dona Villa. Cambridge UP. P.25-43.
100. Grunenberg A. Hannah Arendts Jüdische Schriften / A. Grunenberg // *Aus Politik und Zeitgeschichte* – 2006. –Vol. 39. – P. 15-21.
101. Jonas H. Acting, Knowing, Thinking: Gleanings from Hannah Arendt / H. Jonas // *Social Research*. – 1977. – Vol. 44. – P. 27.
102. Knight K. Hannah Arendt's Heideggerian Aristotelianism / K. Knight // *Топос*. – 2008. – №2 (19). – P. 5-31.
103. Norkus Z. Why Hannah Arendt's Ideas on Totalitarianism are Heterodox? / Z. Norkus // *Топос*. – 2008. – №2 (19). – P. 114-137.
104. Ricoeur P. Préface / P. Ricoeur // *Arendt H. Condition de l'homme modern*. Paris: Calmann-Lévy. – 1989. – P. 5-39.
105. Schell J. A Politics of Natality / J. Schell / *Social research*. – 2002. – Vol. 69. № 2. – P. 461-471.
106. Tamboukou M. Love, Narratives, Politics: Encounters between Hannah Arendt and Rosa Luxemburg / M. Tamboukou // *Theory, Culture & Society*. – 2013. – № 30(1). – P. 35-56.
107. Quelquejeu B. La nature du pouvoir selon Hannah Arendt. Du «pouvoir-sur» au «pouvoir-en-commun» / B. Quelquejeu // *Revue des sciences philosophiques et théologiques* – 2001. – Tome 85 – P. 511-527.